

ПРАВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 29.

Воскресенье 18 июля.

„Право“ издается въ С.-Петербургъ подъ редакціей приватъ-доцента *В. М. Гессена* и *Н. И. Лазаревского* и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. *Ф. А. Вальтера*, *И. В. Гессена*, *О. О. Грузенберга*, прив.-доц. *А. И. Калмыка*, *В. Д. Набокова*, проф. *Л. И. Петражицкаго* и *В. М. Устинова*.

ЖИЗНЬ

Содержаніе: 1) Домохозяинъ и его семья.—Прив.-доц. *С. П. Никонова*. 2) Проектъ новаго гербоваго устава.—*Н.* 3) Письмо изъ Парижа.—*В. Б.* 4) Судебные отчеты. 5) Дѣйствія правительства. 6) Хроника. 7) Библиографія. Журн. Мин. Юст., Июнь 1899 г. 8) Судебно-административная практика.

9) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по субботамъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Домохозяинъ и его семья.

Вопросы о томъ, кто является субъектомъ права на участки крестьянскаго земельного надѣла, предоставленные въ отдѣльное пользованіе семьямъ домохозяевъ, равно какъ о юридическомъ положеніи домохозяевъ—къ сожалѣнію, остаются до сихъ поръ еще окончательно невыясненными въ нашей юридической литературѣ. Въ то время какъ одни (напр. *А. М. Гуляевъ*—въ „Журн. Мин. Юстиц.“ 1899 г. № 4, *Е. И. Якушкинъ*—Обычное право, т. II, введеніе) признаютъ крестьянскій дворъ за субъекта такого права, другіе (напр. *М. А. Лозина - Лозинскій*—Крестьянскій дворъ, „Вѣстникъ Права“ 1899 г., № 3, стр. 60 слѣд.) почитаютъ самое выраженіе—крестьянскій дворъ, „какъ безличный синонимъ личности домохозяина“, и въ послѣднемъ видятъ истиннаго субъекта правъ на участки изъ земельного надѣла, а не во всей семьѣ въ совокупности (крестьянскій дворъ).

Основной причиной такого кореннаго противорѣчія въ воззрѣніяхъ нашихъ юристовъ по разсматриваемому вопросу должно считать именно то обстоятельство, что въ крестьянскихъ положеніяхъ содержатся *ad hoc* крайне неопредѣленные и взаимно другъ другу противорѣчащія статьи, изъ которыхъ съ успѣхомъ при желаніи можно вывести, съ одной стороны, что субъектомъ права на надѣльную землю, находящуюся въ частномъ пользованіи отдѣль-

ныхъ крестьянскихъ семействъ, является домохозяинъ, а съ другой—что таковымъ субъектомъ положенія считаютъ крестьянскій дворъ, въ составѣ всего проживающаго въ немъ семейства, съ домохозяиномъ лишь какъ представителемъ послѣдняго во внѣшнихъ сношеніяхъ.

Такъ, I) согласно ст. 26 положенія о выкупѣ, усадьбы крестьянскія съ момента выдачи данной были признаны собственностью домохозяевъ, которымъ было предоставлено располагать выкупленными усадьбами какъ своею собственностью, на основаніи общихъ законовъ. Впрочемъ, указанная во второй половинѣ этой 26 статьи возможность для домохозяина выкупить, при общинномъ землевладѣніи, свой отдѣльный усадебный участокъ изъ общинной земли нынѣ, съ изданіемъ закона 14 декабря 1893 года (собраніе узаконен. и распоряжен. правительства 1894 г., № 15), утратила практическое значеніе, какъ противная указанному закону.

Равнымъ образомъ изъ смысла ст. 166—170 и ст. 34 примѣч. пол. о вык. можно заключить, что участки, выкупленные отдѣльными домохозяевами, а не всѣмъ крестьянскимъ обществомъ, составляютъ личную собственность каждаго домохозяина и въ правѣ распоряженія они только ограничены, до уплаты выкупной ссуды, соблюденіемъ требованій, выраженныхъ въ указанныхъ статьяхъ.

Наконецъ, согласно ст. 160, 163, 165 положенія о выкупѣ, общинная земля, какъ соб-

ственность общины, можетъ быть, по волѣ послѣдней, передѣлена между ея членами на время или раздѣлена на подворные наслѣдственные участки.

П) Съ другой стороны, разсматривая текстъ ст. 30, 110—115 мѣстн. пол. Великорос. и ст. 131, 157, 170 пол. о вык., мы должны будемъ убѣдиться, что редакторы положеній признавали за субъектовъ права на земли крестьянскаго надѣла не домохозяевъ лично, а именно цѣлыя семьи общинниковъ, въ составѣ отдѣльнаго крестьянскаго двора. Такъ, въ ст. 110 мѣстн. пол. Великорос. сказано, что „усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ семейства“. Согласно ст. 116—119 мѣстн. полож. Великорос. и ст. 93 мѣстн. пол. Малорос., при подворномъ пользованіи участки земли, отведенные въ надѣлъ отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, остаются въ потомственномъ пользованіи этихъ послѣднихъ.

По ст. 176 пол. о выкупѣ, „каждый крестьянинъ, принадлежащій къ составу крестьянскаго двора, приобрѣтшаго землю въ личную собственность, съ выдачей отъ правительства выкупной ссуды, можетъ требовать увольненія изъ общества, если на сіе изъявить согласіе домохозяинъ, на ближайшей отвѣтственности котораго лежитъ исправный взносъ выкупныхъ платежей“ (см. еще ст. 127 и 133 пол. о вык.).

Сенатъ, при толкованіи всѣхъ означенныхъ выше статей крестьянскихъ положеній, былъ, очевидно, поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, въ виду ихъ явнаго противорѣчія другъ другу. Однако до 1888 года онъ вполне успѣшно разрѣшалъ возложенную на него тяжелую задачу согласованія несогласующагося и, слѣдуя общему смыслу законовъ и той основной мысли, что редакторы крестьянскихъ положеній прежде всего стремились не вносить какихъ-либо измѣненій во внутреннюю жизнь крестьянства, — всегда разрѣшалъ вопросъ о субъектѣ права на земли крестьянскаго надѣла въ смыслѣ признанія таковымъ крестьянскаго двора, въ составѣ всего проживающаго въ немъ семейства (рѣшенія гражд. кассац. департ. Сената 1881 года № 161, 1882 г. № 147, 1884 г. № 67; рѣшен. общаго собранія 1-го и кассаціон. департаментовъ Сената 1885 г. № 26; рѣшен. 2-го департ. Сената 4 февраля 1886 г. № 460, 3 октября 1886 г. № 3785, см. сводъ узаконен. и распоряжен. правит. по кр. дѣл. *И. Л. Горемыкина*, изд. 3-е, т. I, стр. 26).

Наиболѣе точнымъ и яснымъ образомъ разсматриваемый вопросъ былъ разъясненъ Сенатомъ въ рѣшеніи его гражданскаго департамента, за 1884 годъ подъ № 67.

„Еще до изданія положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 года,—говоритъ здѣсь

Сенатъ, — сельскія общества составлялись изъ отдѣльныхъ семействъ; мірскія земли распредѣлялись по семействамъ, при переселеніи крестьянъ отводились имъ семейные участки (ст. 5448, 5450 т. II, ч. 1 св. закон.; ст. 670 т. IX, ст. 27, 104—120 т. XII ч. 2 св. закон. уст. благоустр. казен. селен.); самое народосчисленіе велось по семьямъ, отдѣльными семьями писались ревизскія сказки, семейные списки (прил. къ ст. 1679, ст. 14 п. 4 т. IX св. закон., ст. 194, 197 общ. полож. о кр. по продолж. 1863 года); семейство отбывало рекрутскую и другія повинности, дѣти мужскаго пола составляли нераздѣльно часть семьи отца, хозяйство семьи составляло нераздѣльную принадлежность всего семейства (ст. 35, 79, 165—168 уст. благоустр. казен. селен.). Въ каждой семьѣ старшій членъ былъ распорядителемъ хозяйства, представителемъ, хозяиномъ семьи, и такъ какъ семья жила въ совокупности въ одномъ дворѣ, въ одномъ домѣ, то нерѣдко и самое семейство именуется дворомъ, а старшій представитель семьи—домохозяиномъ (ст. 107, 113, 115 уст. благоустр. казен. селен.). Съ изданіемъ положеній 19 февраля 1861 года законодательство не ввело никакихъ измѣненій во внутреннюю жизнь крестьянскаго сословія, исторически сложившюся; оно лишь издало правило объ улучшеніи быта крестьянъ, даровавъ имъ имущественныя и личные права и не касаясь ихъ бытовой жизни; хотя раскладка и производится по душамъ, но та же семья, въ составѣ извѣстнаго количества душъ и съ хозяиномъ во главѣ, является и обладателемъ, и распорядителемъ земельного и усадебнаго участка, она же отбываетъ повинности и отвѣчаетъ за нихъ; также точно отождествляются повятія о семействѣ и дворѣ, о старшемъ лицѣ семьи и домохозяинѣ (2 п. ст. 130, и 2 и 3 п. ст. 188 общ. положен. о кр.; ст. 110—112, 117, 213 мѣстн. положен. Великорос., ст. 121, 123 мѣстнаго положенія Малорос.; ст. 716 т. IX изд. 1876 г.). Обзоръ указанныхъ началъ приводитъ къ заключенію, что выраженіями „дворъ“, „домъ“ изображается понятіе о семействѣ, что домохозяинъ называется таковымъ не потому собственно, что онъ имѣетъ домъ, усадебную осѣдность, а какъ старшій членъ семьи, имѣющей въ своемъ владѣніи и землю, и хозяйство, какъ распорядитель, хозяинъ, представитель семьи“.

Въ 1888 году, наконецъ, Высочайше утвержденнымъ 4 января того же года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, по дѣлу Армалиса, была подтверждена въ законодательномъ порядкѣ установленная уже сенатской практикой нормировка разсматриваемаго вопроса.

Какъ гласитъ текстъ означеннаго Высочайше утвержденаго 4 января 1888 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, „по точному и буквальному смыслу дѣйствующихъ о крестьянахъ узаконеній (ст. 131, 170, 176, полож. о

вык., мѣстныхъ положеній и др.), выкупаемый крестьянами усадебный и полевой надѣлъ составляетъ общую собственность всего *крестьянскаго двора*, или семейства, а не личную собственность отдѣльныхъ членовъ онаго. Если же въ нѣкоторыхъ статьяхъ крестьянскихъ положеній употребляется выраженіе „пріобрѣтеніе земли въ личную собственность домохозяина“ (прим. къ ст. 34 пол. о вык.), „участки, пріобрѣтенныя отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность каждаго“ (ст. 166 и 168 того же положенія), то сіи выраженія означаютъ не пріобрѣтеніе земли въ личную собственность крестьянина въ качествѣ физическаго лица, а пріобрѣтеніе именно въ качествѣ домохозяина, т. е. представителя двора, въ собственности всего этого двора. Поэтому означеніе въ выкупныхъ документахъ (въ выкупныхъ договорахъ и актахъ и въ люстраціонныхъ актахъ) и составленныхъ на основаніи оныхъ данныхъ имени одного дворохозяина „не присвоиваетъ послѣдному личной и исключительной собственности на выкупленную землю, а даетъ право собственности на сію землю всему крестьянскому двору“.

Совершенно согласно со смысломъ означеннаго мнѣнія Госуд. Совѣта, какъ *interpretatio legalis*, были изданы и позднѣйшіе указы Сената по данному вопросу (рѣшеніе 2 департ. Сената 22 апрѣля 1892 г. № 2239—см. „Сводъ“ Горемыкина I, стр. 516; рѣшен. общаго собран. 1, 2 и кассацион. департ. 1892 г. № 33, № 42, 1893 г. № 91, 1895 г. № 45; рѣшен. граждан. кассацион. департ. 1894 г. № 88, 1896 г. № 126 и др.).

Въ виду изложеннаго законодательнаго матеріала становится очевиднымъ, что самый споръ нашихъ писателей о томъ, кого считать субъектомъ права на участки крестьянской надѣльной земли, при подворномъ землепользованіи, является основаннымъ на недоразумѣніи, въ виду разрѣшенія этого вопроса, въ законодательномъ порядкѣ, еще въ 1888 году въ смыслѣ признанія такимъ субъектомъ крестьянскаго двора, въ составѣ всего проживающаго въ немъ семейства, съ домохозяиномъ, какъ представителемъ лишь своей семьи.

Если въ настоящее время въ данной области еще и имѣются нѣкоторыя колебанія, то они касаются вопросовъ иного порядка, главнымъ образомъ, взаимныхъ имущественныхъ отношеній между членами семьи (или крестьянскаго двора), что далеко не тождественно съ вопросомъ о субъектѣ права на землю надѣла.

Каждый крестьянинъ, говоритъ законъ, (ст. 33 общ. пол.) можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей. И вотъ именно вопросъ объ ответствен-

ности членовъ одного крестьянскаго двора какъ по частнымъ долгамъ каждаго, такъ и по обязательствамъ всей семьи былъ неодинаково разрѣшаемъ сенатскою практикою. Однако и здѣсь за послѣднее время Сенатъ склонился къ признанію возможности совмѣстнаго и независимаго существованія какъ отдѣльныхъ членовъ одного крестьянскаго двора (въ томъ числѣ и домохозяина), такъ и одного общаго двороваго имущества. Это положеніе въ общемъ достаточно удовлетворительно высказано Сенатомъ, въ рѣшеніи общаго собранія 1, 2 и кассационныхъ департаментовъ 19 декабря 1897 года, по дѣлу Колчина.

Какъ говорить здѣсь, между прочимъ, Сенатъ, „по точному смыслу ст. 21 общ. положен., на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространяются и всѣ постановленія законовъ гражданскихъ, заключающіяся въ отдѣлѣ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. По общимъ же началамъ гражданскаго права, выраженнымъ въ 1 части т. X св. законовъ и, между прочимъ, въ ст. 184 законовъ гражданскихъ, имущественная отвѣтственность за неисполненіе договоровъ или обязательствъ, или за совершеніе такихъ дѣйствій, коими нанесенъ ущербъ другому лицу, можетъ быть возложена только на тѣхъ лицъ, которыя виновны въ неисполненіи заключенныхъ ими договоровъ и обязательствъ, или же непосредственно совершили тѣ дѣйствія, коими причиненъ кому-либо имущественный интересъ, причемъ по отношенію лишь нѣкоторыхъ, точно указанныхъ въ самомъ законѣ случаевъ, допускаются изыятія изъ указаннаго выше общаго правила. Что касается до отвѣтственности родителей по заемнымъ письмамъ и долговымъ актамъ ихъ неотдѣленныхъ дѣтей, то родители по нимъ не отвѣтствуютъ, если сіи письма и акты даны безъ ихъ согласія. Такимъ образомъ, по общему правилу, никто не можетъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности за чужіе долги или къ уплатѣ вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные чужими дѣянiami. Исходя, однако, изъ этого общаго положенія, нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принять въ соображеніе тѣ особенности, въ которыя поставлена крестьянская семья при пользованіи надѣльною землею какъ по общему смыслу положеній о крестьянахъ, такъ въ особенности, въ силу свойственнаго обычному народному праву возрѣнія на семью, какъ на родъ особаго хозяйственно-юридическаго союза (близкаго къ понятію о юридическомъ лицѣ). Въ силу указанныхъ особенностей, право распоряженія имуществомъ крестьянской семьи принадлежитъ лишь старшему ея члену, самое же имущество признается общимъ достояніемъ семьи, обеспечивающимъ существованіе всѣхъ ея членовъ, составляющихъ въ совокупности одну общую хозяйственную платежную единицу, хотя и не имѣющихъ, доколѣ они не отдѣлены,

самостоятельныхъ правъ распоряженія общимъ имуществомъ. Такимъ образомъ субъектомъ правъ, принадлежащихъ крестьянской семьѣ, является, — согласно обычно-правовымъ представленіямъ, получившимъ отчасти выраженіе въ положен. о крест. (ст. 110 мѣстн. полож. Великорос. и пр.) не кто-либо изъ отдѣленныхъ членовъ ея, а сама семья, представляющая собою особый центръ хозяйственной жизни. Такъ какъ, съ другой стороны, вступать въ гражданскія сдѣлки и вообще быть лицомъ въ гражданско-правовомъ оборотѣ цѣлая семья, не признаваемая закономъ за юридическое лицо, не можетъ, а совершаютъ сдѣлки или правонарушенія отдѣльные члены семьи, то протекающія отсюда недоразумѣнія о степени отвѣтственности обще-семейнаго имущества по сдѣлкамъ или нарушеніямъ отдѣльныхъ членовъ семьи должны разрѣшаться не иначе, какъ въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, послѣдствіемъ коихъ является отвѣтственность, — представляютъ собою проявленіе той хозяйственно-экономической жизни, центромъ которой является цѣлая семья, обладающая имуществомъ, подвергаемому отвѣтственности. При семь формальный признакъ не отдѣленія отъ семьи, по законнымъ приговорамъ общественнаго схода, того члена, дѣйствіями котораго данъ поводъ къ взысканію, не можетъ имѣть особо существеннаго значенія. Лица, самовольно отдѣлившіяся, если фактически они образовали особую семью и тѣмъ самымъ создали новый центръ хозяйственной жизни, въ этихъ случаяхъ обычнымъ правомъ не признаются членами прежней своей семьи, и вопросъ объ отвѣтственности имущества этой семьи за взысканія съ указанныхъ, отдѣлившихся фактически, ея членовъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, долженъ рѣшаться отрицательно“. (Сравн. А. М. Гуляевъ—Крестьянскій дворъ „Журналъ Минист. Юстиціи“ 1899 г., кн. 4 стран., 76 и слѣд.).

С. П. Никоновъ.

Проектъ новаго гербоваго устава.

(Продолженіе ¹⁾).

Какъ извѣстно, существующіе оклады пропорціональнаго гербоваго сбора, въ трехъ его видахъ (*вексельный* — для актовъ и документовъ по личнымъ долговымъ обязательствамъ, *актовый* — по имущественнымъ и другимъ сдѣлкамъ, кромѣ личныхъ долговыхъ обязательствъ и *сборъ съ процентныхъ бумагъ*), опредѣляются особыми росписаніями, приложенными къ ст. 4 и 5 нынѣ дѣйствующаго устава. Оклады эти весьма неравномѣрны, а количество ихъ далеко не соответствуетъ тому разнообразію суммъ, на которыя въ дѣйствительности заключаются сдѣлки. Для устраненія

этой неравномѣрности проектъ вводитъ, вмѣсто существующаго обложенія актовъ и долговыхъ обязательствъ на основаніи разборовъ актовой и вексельной бумаги, обложеніе, стоящее въ точномъ процентномъ отношеніи къ суммамъ сдѣлокъ. Для этой цѣли проектомъ устанавливается (глава III) четыре вида пропорціональнаго гербоваго сбора: 1) *вексельный* — съ личныхъ долговыхъ обязательствъ — въ размѣрѣ 0,15% съ суммы актовъ и документовъ, или по 15 коп. съ каждыхъ ста рублей, считая неполныя сотни за полныя; 2) *актовый сборъ высшаго оклада* — съ имущественныхъ актовъ — въ размѣрѣ 0,4% съ суммы актовъ или по сорока коп. съ каждыхъ ста рублей, считая неполныя сотни за полныя и по четыре рубля съ каждой тысячи рублей, превышающей 10.000 рублей, считая неполныя тысячи за полныя; 3) *актовый низшаго оклада* — въ размѣрѣ 0,04% съ суммы актовъ, т. е. по 40 к. съ тысячи руб., и 4) *сборъ съ процентныхъ бумагъ*, взимаемый въ томъ же размѣрѣ какъ и актовый сборъ высшаго оклада, т. е. въ размѣрѣ 0,4% съ номинальной цѣны каждаго № этихъ бумагъ. Такимъ образомъ измѣняется самое основаніе для исчисленія размѣра пропорціональнаго гербоваго сбора. Вмѣсто опредѣленныхъ особыми росписаніями разборовъ гербовой бумаги (вексельной и актовой), которые служатъ для написанія актовъ на соотвѣтственный имъ суммы, устанавливается точное пропорціональное соотношеніе между суммою акта и размѣромъ сбора (съ округленіемъ лишь въ сотняхъ, а сверхъ 10.000 р. — въ тысячахъ рублей), вслѣдствіе чего сама гербовая бумага того или другого разбора уже теряетъ значеніе основанія для опредѣленія размѣра гербовой пошлины и является лишь средствомъ для ея уплаты. Сообразно съ этимъ проектъ предоставляетъ плательщикамъ право излагать свои сдѣлки на такомъ количествѣ листовъ гербовой бумаги, которымъ точно оплачивается размѣръ причитающагося съ нихъ сбора, или, если сдѣлка будетъ изложена на одномъ листѣ, не вполнѣ оплачивающемъ сборъ, недостающую до установленнаго размѣра сумму доплачивать въ извѣстныхъ размѣрахъ (до 10 р.) гербовыми марками. Что касается самихъ актовъ и документовъ, подлежащихъ обложенію пропорціональнымъ гербовымъ сборомъ, то проектъ расширяетъ область примѣненія этого сбора, такъ какъ, съ одной стороны, къ нему предположено привлечь нѣкоторые документы по личнымъ долговымъ обязательствамъ и акты имущественнаго свойства, вовсе отъ этого сбора освобожденные, а именно: транзитные векселя и выписки изъ книги сдѣлокъ волостныхъ правленій или засвидѣтельствованныя копии сдѣлокъ по долговымъ обязательствамъ, внесенныхъ въ эти книги на сумму свыше 50 р., а именно къ *вексельному сбору*, и выписки изъ тѣхъ же книгъ по всякаго рода имуществен-

¹⁾ См. Право № 27.

нымъ сдѣлкамъ на сумму свыше 50 р., кромѣ долговыхъ обязательствъ — къ *актовому сбору*; съ другой же стороны къ пропорціональному гербовому сбору предполагается привлечь слѣдующіе обложенные нынѣ простымъ гербовымъ сборомъ акты и документы: къ *вексельному*: 1) выдаваемые акцизными управленіями, по требованію частныхъ лицъ и учреждений, залоговыя въ обезпеченіе разсрочиваемаго или отсрочиваемаго акциза квитанціи на свидѣтельства или удостовѣренія на получение изъ казначейства въ кредитъ бандеролей, 2) ассигновки на С.-Петербургскій монетный дворъ и выписки изъ расчетныхъ тетрадей, выдаваемые золотопромышленникамъ на причитающееся имъ золото, и 3) обязательства, выдаваемые обществамъ взаимнаго кредита ихъ членами съ суммы ответственности каждаго члена за долги общества или съ суммы открываемаго каждому члену кредита, и къ *актовому* — возобновляемые купонные листы къ процентнымъ бумагамъ (по номинальной цѣнѣ бумагъ). Независимо отъ этого оплачиваемые нынѣ простымъ герб. сборомъ контракты съ артистами Императорскихъ театровъ и договоры о наймѣ квартиръ и жилыхъ помѣщеній на сумму до 500 р. будутъ подлежать обложенію также актовымъ сборомъ нормальнаго оклада на общемъ основаніи, въ виду исключенія ихъ изъ числа актовъ, облагаемыхъ простымъ сборомъ.

Проектированный новый видъ актового гербоваго сбора пониженнаго оклада въ 0,04% предполагается примѣнить: а) къ задаточнымъ роспискамъ, б) торговымъ маклерскимъ запискамъ, в) къ актамъ по договорамъ о наймѣ морскихъ и рѣчныхъ судовъ подъ грузъ, г) къ надписямъ о передачѣ контрактныхъ обязанностей, д) къ залоговымъ подпискамъ заемщиковъ государственнаго дворянскаго земскаго банка, е) ко всякаго рода письменнымъ документамъ (памятныя записки, торговыя письма и т. п.), которыми устанавливаются или подтверждаются договоры по куплѣ-продажѣ или запродажѣ товаровъ торговцами и промышленниками между собою.

Глава IV проекта посвящена изъятіямъ отъ гербоваго сбора. Система расположенія матеріала въ этой главѣ значительно отличается отъ системы расположенія изъятій отъ гербоваго сбора въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ (гл. V), чрезвычайно сбивчивой и затрудняющей отысканія того или другого изъ нихъ. Изъятія въ главѣ IV проекта расположены по родовымъ признакамъ бумагъ и документовъ, причемъ совершенно устранено дѣленіе сбора на простой и пропорціональный, а это въ значительной степени облегчаетъ пользованіе матеріаломъ. Самыя изъятія, за немногими исключениями, остались прежнія. Что касается документовъ, исключенныхъ изъ числа „изъятій“ для привлеченія ихъ къ гербовому обложенію,

то о большинствѣ изъ нихъ мы уже говорили, излагая предположенія проекта о простомъ и пропорціональномъ гербовомъ сборѣ. Изъ вновь же включенныхъ изъятій большинство относится къ учреждениямъ и правоотношеніямъ, для которыхъ льготы по гербовому сбору признаны желательными „въ виду ихъ особеннаго общественнаго значенія или въ цѣляхъ культурныхъ, историко-политическихъ, экономическихъ и т. п.“ Сюда проектомъ отнесены С.-Петербургскій и Московскій воспитательные дома, сношенія частныхъ лицъ съ правительственными установленіями и должностными лицами до дѣламъ: объ учрежденіи православныхъ монастырей, часовень, о перенесеніи святыхъ мощей и иконъ, о совершеніи молебновъ и т. п., акты и документы по дѣламъ о переселеніяхъ на казенныя и кабинетскія земли, на Мурманскій берегъ и въ Приамурскій край, по дѣламъ, производимымъ у фабричныхъ инспекторовъ и въ присутствіяхъ по фабричнымъ дѣламъ о претензіяхъ фабричныхъ рабочихъ и по надзору за исполненіемъ постановленій о рабочихъ въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности, прошенія объ участіи на выставкахъ въ качествѣ экспонентовъ и нѣкоторыя другія бумаги. Н.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Реформы уголовного процесса.

Надняхъ въ „Journal Officiel“ промюльгированъ новый законъ, въ силу котораго порядокъ предварительнаго слѣдствія, установленный для гражданскихъ судовъ новеллой 8 декабря 1897 года (такъ называемый законъ Констанана) распространенъ на военные суды. Въ силу закона 1897 года обвиняемый съ перваго же часа послѣ его ареста появляется на всѣхъ допросахъ въ сопровожденіи своего защитника. Такимъ образомъ принципъ гласности всѣхъ судебныхъ дѣйствій былъ распространенъ и на предварительное слѣдствіе. Реформа казалась настолько назрѣвшей и необходимой, что въ обѣихъ палатахъ парламента законъ былъ вотированъ единогласно. Но въ законѣ осталась одна брешь, и цѣлая категория подслѣдственныхъ не могла воспользоваться преимуществами этого новаго порядка предварительнаго слѣдствія, а именно законъ не былъ распространенъ на военные суды, которые во Франціи вообще оставались внѣ прогрессивнаго движенія; когда дѣло Дрейфуса раскрыло всѣ несовершенства и ужасы французской военной юстиціи, тогда авторъ закона 1897 года Констанъ взялъ на себя инициативу проекта о распространеніи этого закона и на военные суды. Докладчикомъ въ сенатѣ выступилъ Jean Dupuy. Противники закона указывали, между прочимъ, на то, что реформа будетъ дурно принята магистратурой и парижскимъ барро; противъ этого докладчикъ вполне справедливо замѣтилъ, что тѣ же возраженія дѣлались при обсужденіи закона

1897 года; но законъ былъ введенъ, и опытъ показъ совершенно противоположенъ. Генеральный адвокатъ при апелляціонномъ судѣ въ Aix, открывая послѣ лѣтнихъ каникулъ засѣданія, произнесъ, по обычаю, вступительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „законъ 8 декабря 1897 года былъ встрѣченъ въ судебномъ мірѣ съ чувствомъ удивленія не потому, что онъ представляетъ много новаго, а потому, что онъ явился такъ поздно... Законъ этотъ представляетъ большой прогрессъ въ нашемъ судопроизводствѣ, но не даетъ еще полного удовлетворенія, такъ какъ не распространенъ на всѣхъ обвиняемыхъ, и наше уголовное законодательство можетъ смѣло сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ въ томъ направленіи“... Bâtonnier парижской адвокатуры, извѣстный адвокатъ Плуайе на одной изъ конференцій адвокатовъ, говоря о законѣ Констанана, сказалъ: „я принадлежу къ тѣмъ, которые привѣтствовали этотъ законъ съ чувствомъ самой глубокой признательности; подумайте, вѣдь этотъ законъ осуществилъ наконецъ одинъ изъ грандіозныхъ проектовъ, задуманныхъ еще нашими предками во время великой революціи и провозгласившихъ принципъ этого закона въ 9 п. деклараціи правъ человѣка“.

Въ силу новаго закона, обвиняемый съ самаго начала предварительнаго слѣдствія можетъ совершенно свободно сообщаться съ своимъ защитникомъ; адвокатъ можетъ немедленно знакомиться съ письменнымъ производствомъ дѣла, и, наконецъ, секретное заключеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ продолжаться болѣе 20 дней, по истеченіи которыхъ арестованному должно быть объявлено, въ чемъ онъ обвиняется. Любопытно отмѣтить, что первымъ воспользуется прерогативами этого закона Дрейфусъ.

Но законъ Констанана не закончилъ еще реформы предварительнаго слѣдствія. Между публичными дебатами предъ судомъ присяжныхъ и допросы у судебного слѣдователя существуетъ еще одна секретная камера, чрезъ которую долженъ пройти всякій обвиняемый, а именно—обвинительная камера, которая рѣшаетъ вопросъ о преданіи суду (*chambre de mises en accusation*). Эта камера дѣлаетъ свои постановленія, по представленію прокурора, не выслушивая адвокатовъ ни обвиняемаго ни потерпѣвшаго. Депутатъ Jean Sturpi взялъ на себя инициативу закона, по которому обвинительная камера можетъ дѣлать постановленія только послѣ выслушанія адвокатовъ обвиняемаго и потерпѣвшаго. На неудобство порядка, по которому защита не допускалась въ этой промежуточной стадіи уголовного слѣдствія, указывалось уже давно и у Faustin Hélie этому вопросу посвящено много страницъ. Французскій сенатъ еще въ 1882 году одобрилъ проектъ, аналогичный внесенному Sturpi; но съ тѣхъ поръ прошло 17 лѣтъ, а проектъ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Наконецъ, парижскій кассационный судъ въ одномъ рѣшеніи 1897 года указывалъ даже на желательность этой реформы. Проектъ Sturpi, принятый палатою безъ преній, состоитъ изъ 2-хъ §§: „Art. 1. Засѣданія камеры преданія суду не публичны; къ присутствованію допускаются только представитель прокуратуры и повѣренные обвиняемаго и гражданского истца. § 2. Камера постановляетъ по до-

кладу одного изъ своихъ членовъ, назначаемаго президентомъ, выслушавши краткія объясненія (*observations sommaires*) повѣреннаго гражданского истца и обвиняемаго; послѣднее слово принадлежитъ всегда повѣренному обвиняемаго“... Проектъ Sturpi, внесенный въ число очередныхъ въ сенатѣ, надвѣхъ станетъ дѣйствующимъ закономъ республики.

Этотъ законъ нанесетъ послѣдній ударъ тайному судопроизводству; система французскаго уголовного процесса явится вполне законченной.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты отъ имени радикальной группы депутатовъ былъ внесенъ проектъ о введеніи института присяжныхъ засѣдателей при исправительномъ судѣ (*à l'organisation du jury correctionnel*). Для детальной разработки этого проекта былъ приглашенъ такой авторитетный судебный дѣятель, какъ адвокатъ Henri Coulon, работы котораго о судѣ присяжныхъ и о свободѣ печати пользуются во Франціи огромнымъ авторитетомъ. Проектъ разработанъ съ большою тщательностью, содержитъ очень много цѣнныхъ историческихъ и статистическихъ данныхъ.

Авторы предварительно дѣлаютъ краткій историческій очеркъ суда присяжныхъ и доказываютъ, что въ античномъ мірѣ институтъ этотъ считался нераздѣльнымъ съ демократическимъ режимомъ. Феодальный режимъ и монархическая централизація уничтожили этотъ институтъ на континентѣ, и вся юрисдикція была сосредоточена въ парламентѣ. Во Франціи институтъ присяжныхъ былъ введенъ великимъ національнымъ собраніемъ (*Constituante*), и то исключительно для крупныхъ уголовныхъ дѣлъ. Мысль о введеніи этого института, при обсужденіи гражданскихъ дѣлъ, а также для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, во французскихъ законодательныхъ сферахъ подымалась неоднократно; предложеніе это обсуждалось въ *Constituante* и въ парламентѣ въ 1848 г., и заступниками этого предложенія выступали такіе люди, какъ Барнавъ, Робеспьеръ, Дюпоръ, Камбасаресъ, Токвилль и Одиллонъ-Барро. Въ 1882 году проектъ о введеніи *jury correctionnel* былъ внесенъ отъ имени 52 депутатовъ центра; этотъ проектъ, очень несовершенный, не былъ пропущенъ комиссією 10 марта 1883 года; министр юстиціи Martin - Feuillée внесъ новый проектъ; это было почти наканунѣ распушенія палаты, и проектъ не получилъ дальнѣйшаго хода. 19 іюля 1894 года депутатъ Кунео д'Орнано выступилъ съ предложеніемъ образовать спеціальную внѣ-парламентскую комиссію для изученія вопроса; палата постановила передать всѣ проекты о *jury correctionnel*, а также предложеніе д'Орнано въ существующую при парламентѣ комиссію „*de la réforme judiciaire*“. Комиссія, не одобриши ни одного представленнаго ей проекта, высказалась однако же принципиально за необходимость введенія института присяжныхъ при исправительномъ судѣ. Представленный нынѣ проектъ дастъ дальнѣйшій толчекъ этому вопросу. Въ мотивахъ къ проекту указывается прежде всего на общія гарантіи, которыя представляетъ судъ присяжныхъ: „не способствуя оправданію истинно виновныхъ, институтъ присяжныхъ засѣдателей значительно затрудняетъ осужденіе невиновнаго. Какъ бы ни были

совершенны судьи, они не могут избѣгать общихъ слабостей человѣческой натуры... Частое обращеніе съ преступниками, ложь на каждомъ шагу, самыя безсознательныя средства, пускаемыя обвиняемыми для того чтобы обмануть правосудіе... Въ обвиняемомъ судья видятъ виновнаго, присяжные видятъ всегда человѣка.

4 мая 1853 года въ законодательномъ корпусѣ докладчикъ Langlois говорилъ:

„Цѣль института присяжныхъ засѣдателей дать наибольшую гарантію для обвиняемыхъ. Интересы обвиняемыхъ лучше охраняются этой магистратурой, безпрестанно возобновляемой изъ среды самаго народа, и приносящей съ собою въ трибуналь свободу сужденія и, такъ сказать, *свяжую совѣсть* (une fraiche conscience).

Весь проектъ состоитъ изъ 30-ти параграфовъ. Организация порядка сессій, выборовъ, судебного слѣдствія, по проекту, немногимъ отличается отъ установленныхъ въ этихъ случаяхъ правилъ относительно обычныхъ jury. Существенно измѣненъ только порядокъ обжалованія рѣшеній jury-correctioanel: по вопросу о вознагражденіи за причиненные убытки рѣшеніе этого суда можетъ быть обжаловано въ апелляціонномъ порядкѣ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ по проекту допускается только кассационная жалоба.

По 2 п. проекта за исправительными судами оставлено право судить всѣ нарушенія различныхъ уставовъ: о рыбной ловлѣ, объ охотѣ, желѣзно-дорожнаго устава, всѣ дѣла о нищенствѣ и бродяжничествѣ, однимъ словомъ больше половины. Изъ представленныхъ при проектѣ подробныхъ статистическихъ данныхъ видно, что ежегодно придется призывать не болѣе чѣмъ 12.000 новыхъ присяжныхъ.

Осенью этого года будетъ праздновать 30-лѣтіе своего существованія извѣстное ученое общество „Société de législation comparée“. Главная цѣль этого общества „изученіе законовъ различныхъ государствъ и изысканіе практическихъ способовъ исправлять различныя пробѣлы законодательства“. Во главѣ этого общества всегда стояли выдающіеся представители науки; за 30-лѣтній періодъ существованія предѣдателями его были: Laboulaye; Renouard, Dufaure, Aucoc, Larombière, Gide, Duverger, Barboux, Dareste, Ribot, Bufnoir, Du Buit, Féraud-Girard, Franchant, и, наконецъ, теперь состоитъ знаменитый финансистъ, профессоръ Парижскаго университета Lyon Caen.

Общество выпускаетъ три изданія: „Bulletin mensuel“, „L'Annuaire de législation étrangère“ и „L'Annuaire de législation française“. При обществѣ имѣется великолѣпная юридическая бібліотека—одна изъ лучшихъ въ Европѣ, доступная всѣмъ желающимъ; одинъ каталогъ изданій общества занимаетъ болѣе 600 страницъ.

V. B.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

Клевета.

На-дняхъ слушалось въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Сената дѣло полковника Хоранова,

обвинявшагося по 1535 ст. ул. о нак. Защищалъ прис. повѣренный Мионовъ, докладывалъ дѣло сенаторъ де-Росси.

Въ бумагахъ, поданной полковникомъ Хорановымъ начальнику Терской области, между прочимъ, было изложено, что въ мѣстечкѣ Ардонъ, на осетинской свадьбѣ, учитель семинаріи Касабѣевъ громко заявилъ, что „генералъ Кахановъ никакой пользы Осетии не принесетъ, а причинилъ ей не мало зла“. Рѣчь Касабѣева вызвала, по словамъ Хоранова, одобреніе мѣстнаго священника. Оба эти лица, по словамъ Хоранова, совершили, такимъ образомъ, „преступную демонстрацію противъ власти“ и, вообще, вредно вліяютъ на туземное населеніе. Подана эта бумага была въ видѣ объясненія противъ жалобы священника, которому Хорановъ сказалъ нѣсколько рѣзкихъ словъ по поводу его нападокъ на заведенные русскими на Кавказѣ порядки.

Учитель Касабѣевъ обратился въ судъ съ жалобой на Хоранова и, утверждая, что никогда приписанныхъ ему словъ не говорилъ и никакой преступной демонстраціи не совершалъ, — усматривалъ въ поданной Хорановымъ начальнику области бумагѣ всѣ признаки клеветы.

Владикавказскій судъ не нашелъ въ дѣяніи Хоранова признаковъ преступления и оправдалъ его, но Тифлисская судебная палата признала его виновнымъ въ клеветѣ и приговорила къ аресту на гауптвахтѣ на мѣсяць.

Поддерживая кассационную жалобу, прис. пов. Мионовъ остановился прежде всего на неправильномъ преданіи суду и нарушеніи порядка подсудности.

Полковникъ Хорановъ, — доказывалъ защитникъ, — и понынѣ состоитъ на военной службѣ и подсуденъ военному суду. Ни одно изъятіе изъ этого общаго правила, въ законѣ указанное, не подходитъ къ данному случаю. Преступленія противъ правилъ о печати подсудны общему суду для всѣхъ лицъ. Но клевета, даже путемъ печати распространенная, не подходитъ подъ понятіе нарушенія законовъ о печати. Это есть преступленіе, направленное противъ правъ частнаго лица, а не противъ правилъ, ограждающихъ порядокъ печати. Ст. 1535 находится совсѣмъ въ другомъ раздѣлѣ уложенія, ничего общаго съ преступленіями противъ правилъ о печати не имѣющимъ. При клеветѣ печать только орудіе ея распространенія. Въ данномъ случаѣ, однако, не было даже этого способа распространенія клеветы, ибо то, что служило предметомъ разслѣдованія, изложено въ бумагахъ, поданной должностному лицу. Хотя это преступленіе и клевета въ печати предусматриваются одной 1535 ст., все же нѣтъ основанія смѣшивать эти два способа распространенія клеветы. Посему жалобщику слѣдовало добиваться преданія суду въ особомъ для военнослужащихъ установленномъ порядкѣ и самый приговоръ могъ постановить только военный судъ. Въ кассационной жалобѣ не было указано это нарушеніе, но, по мнѣнію защитника, самъ Сенатъ, усмотрѣвъ такое явное нарушеніе порядка подсудности, вправѣ, въ порядкѣ надзора, отмѣнить предыдущее производство и направить дѣло надлежащимъ путемъ, если, конечно, усмотритъ признаки преступления. Но таковыхъ, по мнѣнію защиты, не имѣется. Клевета есть завѣдомо ложное обвиненіе кого-либо въ поступкѣ, противномъ правиламъ чести или закону. Клеветникомъ долженъ быть непременно указанъ фактъ, порочащій оклеветаннаго. Въ своей бумагѣ полковникъ Хорановъ утверждаетъ только одинъ фактъ, а именно произнесеніе учителемъ Касабѣевымъ словъ, заключающихъ въ себѣ рѣзкую критику дѣйствій должностнаго лица, именно начальника Терской области. Слова эти были произнесены въ частномъ разговорѣ на пиру и ни въ какомъ случаѣ не могутъ составлять ни безчестнаго, ни закономъ запрещеннаго поступка, и—самое большее—могутъ быть признаны

неумѣстными. Все остальное въ бумагѣ Хоранова составляетъ его личные выводы и разсужденія, въ томъ числѣ и заключеніе его о томъ, что частная бесѣда о генералѣ Кахановѣ является будто бы преступной демонстраціей противъ властей, причѣмъ никакихъ иныхъ признаковъ демонстраціи, кромѣ указанныхъ словъ, не приводится. А посему, не входя въ разсужденіе о томъ—сказалъ или не сказалъ Касабьевъ приписанныхъ ему словъ,—надо признать, что приписываемый ему постоутокъ безразличный, а потому онъ не можетъ считать себя оклеветаннымъ, а для суда должно быть безразлично—критиковалъ ли онъ дѣятельность губернатора Каханова или нѣтъ.

Соглашаясь съ кассационной жалобой, Сенатъ не усмотрѣлъ въ дѣяніи полковника Хоранова признаковъ клеветы и опредѣлилъ самое дѣло, за силою 1 и 1535 ст. ул. и 1 ст. уст. уг. суд., производствомъ прекратить.

Нижегородскій окружный судъ.

Оскорбленіе при исполненіи служебныхъ обязанностей.

6 іюля, подъ предѣлательствомъ члена суда Л. Н. Бровковича, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, слушалось дѣло по обвиненію бывшаго городского нижегородской городской полиціи Василія Иванова Бундакова, 34 лѣтъ, въ оскорбленіи имъ словами и дѣйствіемъ, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, двухъ женщинъ: жены потом. поч. гражданина Маріи Штейнъ и жены запаснаго военнаго писаря Евдокіи Ротмистровой. Какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, вечеромъ 22 іюля прошлаго года, когда г-жи Штейнъ и Ротмистрова шли по Б. Покровкѣ, городской Бундаковъ схватилъ послѣднюю изъ нихъ, называя обѣихъ женщинъ неприличнымъ именемъ. Возмущенная этимъ, г. Ротмистрова дала ему пощечину, и тогда Бундаковъ началъ тащить женщинъ въ часть, ругая ихъ при этомъ площадными словами; за обижаемыхъ вступились посторонніе лица, которыя и освободили ихъ, не дозволить Бундакову отправить ихъ въ часть. Бундаковъ, по опредѣленію Нижегородскаго губернскаго правленія отъ 22 марта текущаго года, былъ преданъ суду по обвиненію его по 347 ст. улож. о наказ.

Въ судебномъ засѣданіи Бундаковъ не призналъ себя виновнымъ: Штейнъ и Ротмистрова, по его словамъ, шли по улицѣ выпивши, и вторая изъ нихъ махнула ему рукой, чтобы онъ подошелъ. Съ вопросомъ: „что вамъ угодно, барыня“ онъ подошелъ къ ней, но она ударила его по лицу. Тогда онъ попросилъ обѣихъ барынь пожаловать въ часть, но никакъ не ругалъ и не оскорблялъ ихъ.

Допрошенные судомъ свидѣтели показали:

Г-жа Штейнъ—22 іюля она была въ гостяхъ у г-жи Ротмистровой и послѣдняя пошла провожать ее до дома. Это было часу въ 9-мъ вечера; было еще совсѣмъ свѣтло. Когда онѣ проходили тротуаромъ мимо садика, помѣщающагося на углу Дворянской улицы и Б. Покровки, къ нимъ внезапно подошелъ городской Бундаковъ, шедшій до этого времени въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ одномъ направленіи съ ними, но по мостовой. Бундаковъ схватилъ Ротмистрову за платье и толкнулъ ее. Обѣ онѣ поспѣшили пройти далѣе, говоря между собою, что „странная здѣсь, въ Нижнемъ, полиція: вмѣсто того, чтобы прекращать безпорядки, она сама ихъ заводитъ“... Городовой, должно быть, услышалъ ихъ разговоръ и со словами: „такъ зачѣмъ же дѣло стало: ну, дайте мнѣ въ морду“ снова схватилъ Ротмистрову. Возмущенная такимъ нахальствомъ, Ротмистрова дѣйствительно дала ему пощечину. Бундаковъ далъ свистокъ и съ помощью явившагося другого городского сталъ тащить ихъ обѣихъ въ часть. При этомъ, такъ какъ Ротмистрова ухватилась руками

за ограду садика, Бундаковъ началъ отрывать ее руки отъ ограды съ такой силою, что у нея долго оставались отъ этого знаки на рукахъ. Вышедшіе изъ садика посторонніе люди стали упрашивать Бундакова оставить Ротмистрову и не отправлять ее въ часть, но на это Бундаковъ, ругаясь площадными словами, отвѣтилъ: „стану я со всякими публичными перемониться“, а товарищъ его схватилъ за шиворотъ и ее, Штейнъ. Тогда уже публика рѣшительно вступилась за нихъ и не дала отвести ихъ въ часть.

Въ виду утвержденія Бундакова, будто обѣ онѣ были выпивши и Ротмистрова сама подозвала его съ поста, свидѣтельница категорически заявила, что обѣ онѣ были совершенно трезвы, никто Бундакова къ себѣ не подзывалъ и полицейскаго поста въ этомъ мѣстѣ никакого нѣтъ: есть постъ у дворянскаго собранія и тамъ стоялъ постовой городской.

Б. О. Богущъ показалъ, что Бундаковъ толкалъ и ругалъ женщинъ непристойными словами, таща ихъ въ часть и называя публичными женщинами. Свидѣтель и самъ вмѣстѣ съ другими просилъ Бундакова оставить женщинъ въ покоѣ, но тотъ не обращалъ на это никакого вниманія.

На вопросъ г. предѣлательствовавшаго, не замѣтилъ-ли свидѣтель, что женщины были не совсѣмъ трезвы, г. Богущъ отвѣтилъ, что женщины были трезвы, Бундаковъ же показался ему пьянымъ; обижены были женщины, городской же явно безобразничалъ. — „Не говорилъ-ли Бундаковъ и вамъ, что онъ и васъ отправитъ въ часть въ низокъ, гдѣ съ вами разсчитаются?“—спросилъ защитникъ подсудимаго, прис. пов. Ѳ. П. Владиміровъ.

— Да, онъ грозилъ и намъ всѣмъ какимъ-то низкомъ“.

Свидѣтель Поляковъ далъ совершенно противоположное показаніе, утверждая, согласно съ объясненіями подсудимаго, что обѣ женщины были выпивши, одна изъ нихъ подозвала къ себѣ Бундакова и когда тотъ подошелъ къ ней, ударила его; Бундаковъ предложилъ обѣимъ женщинамъ отправиться въ часть и тогда обѣ онѣ накинулись на него, стали рвать шнуры у его мундира и ругать его.

Изъ разспросовъ тов. прокурора г. Богущаго выяснилось, что все это свидѣтель будто бы видѣлъ и слышалъ изъ садика; что самъ онъ служитъ городскимъ сторожемъ при садикѣ и съ Бундаковымъ близко знакомъ, и что начала происшествія онъ во всякомъ случаѣ не видѣлъ и не можетъ объяснить причины, почему женщины напали на городского...

Въ своей обвинительной рѣчи г. Богущій высказалъ, что первоначально, послѣ прочтенія обвинительнаго акта, можно бы еще думать, что въ данномъ случаѣ подсудимый какъ ни какъ, но исполнялъ свои служебныя обязанности и только „пересолил“, принявъ порядочныхъ женщинъ за публичныхъ, однако послѣ судебного слѣдствія приходится заключить, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явнымъ озорствомъ, тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что оно было допущено полицейскимъ служителемъ и по отношенію къ неповиннымъ ни въ чемъ женщинамъ. По мнѣнію г. Богущаго, показанію Полякова нельзя дать никакой вѣры, какъ явно неправдоподобному и исходящему отъ лица, также прикосновеннаго къ полиціи и близкаго пріятеля и друга подсудимаго. Изъ показаній же остальныхъ свидѣтелей дѣло рисуется въ такомъ свѣтѣ: пьяный полицейскій среди бѣлаго дня, при публикѣ пристаеетъ къ проходящимъ женщинамъ, ругаетъ ихъ, тащитъ въ часть — и все это даже безъ тѣни какого-либо повода. Такія дѣйствія подсудимаго налагаютъ на него, г. Богущаго, обязанность ходатайствовать предъ судомъ о назначеніи подсудимому вышей мѣры наказанія.

Г. Владиміровъ, воплоти соглашаясь съ доводами обвиненія, указалъ, что для подсудимаго имѣются

и некоторые смягчающія обстоятельства: всемъ известно, что низшіе агенты полиціи выбираютъ съ борку да съ сосенки, получаютъ ничтожное жалованье, о своихъ служебныхъ обязанностяхъ имѣютъ весьма смутное понятіе, да и получить надлежащее о нихъ понятіе едва-ли могутъ на своей службѣ.

Бундаковъ приговоренъ судомъ къ заключенію подъ арестъ на одинъ мѣсяць. (Ниж. Лист.)

Московскій мировой судъ.

Нарушеніе общественной тишины.

На-дняхъ въ камерѣ мирового судьи Серпуховскаго участка слушались три однородныхъ дѣла, возбужденныхъ полиціей „противъ разныхъ лицъ по обвиненію въ нарушеніи общественной тишины и въ оскорбленіи должностнаго лица при отправленіи имъ служебныхъ обязанностей.

2 мая на Воробьевы горы пріѣхалъ на своей лодкѣ девятнадцатилѣтній юноша Моисеевъ, по профессіи конторщикъ, въ обществѣ трехъ пріятелей. Пробылъ онъ на Воробьевыхъ горахъ до шести часовъ вечера, когда пожелалъ отправиться домой. Спустившись къ пристани, чтобы сѣсть въ лодку, Моисеевъ былъ остановленъ урядникомъ 3-го стана Московскаго уѣзда, дворяниномъ Щербачевымъ, заявившимъ, что въ лодку сѣсть онъ, урядникъ, не позволить, такъ какъ, по его мнѣнію, Моисеевъ пьянъ. Послѣдній, будучи въ совершенно трезвомъ видѣ, всячески старался убѣдить урядника, что онъ трезвъ, а потому, если и поѣдетъ на лодкѣ, то не утонетъ. Но урядникъ настаивалъ на своемъ. Тогда въ лодку сѣли только пріятели Моисеева и отъѣхали отъ пристани, а Моисеевъ попросилъ ихъ ѣхать берегомъ. Самъ же, пробѣжавъ по берегу расстояние въ двѣсти шаговъ, сѣлъ также въ лодку къ пріятелямъ. Урядникъ Щербачевъ, видя все это, отдалъ распоряженіе матросу спасательной станціи Салтыкову нагнать лодку Моисеева. Исполняя приказаніе урядника, Салтыковъ сѣлъ въ лодку и погнался за лодкой Моисеева. Слѣдомъ за Салтыковымъ отправился и самъ урядникъ. Погоня увѣнчалась успѣхомъ: Моисеевъ былъ настигнутъ на серединѣ рѣки. Когда же Моисеевъ снова не подчинился требованію урядника выйти изъ лодки, то урядникъ Щербачевъ самъ пересѣлъ въ лодку къ матросу Салтыкову, на весла, а матросъ Салтыковъ, при содѣйствіи урядника, сталъ пересаживать Моисеева изъ его лодки въ свою. „Пересаживаніе“ это на рѣкѣ закончилось тѣмъ, что матросъ спасательной станціи уронилъ Моисеева въ воду и затѣмъ ужъ его изъ рѣки не извлекалъ, ограничившись тѣмъ, что держалъ Моисеева за воротъ. Затѣмъ лодка урядника направилась къ городскому берегу, причемъ матросъ Салтыковъ тащилъ арестованнаго по водѣ. Когда же на городскомъ берегу Моисеевъ сталъ выражать неудовольствіе по поводу „купанія“ его въ холодную погоду, каковая была 2 мая, урядникъ Щербачевъ распорядился о доставкѣ Моисеева обратно на Воробьевы горы, что и было исполнено. На нижней площадкѣ Воробьевыхъ горъ, по приказанію урядника, собралось до семи человекъ сторожей, которые окружили Моисеева, стали толкать его и наносить побои. Когда же Моисеевъ изъ чувства самосохраненія началъ защищаться, то былъ связанъ шнурами полицейскихъ по рукамъ и ногамъ, и ужъ сторожа понесли его на рукахъ, продолжая все-таки наносить побои. Все это происходило на глазахъ у урядника Щербачева. Во время возни, затѣянной сторожами, полицейскими и матросомъ спасательной станціи съ Моисеевымъ, у послѣдняго одежда была приведена въ полнѣйшій безпорядокъ, такъ что Моисеева несли буквально обнаженнымъ.

Публика, собравшаяся на крикъ Моисеева, видя всю эту сцену, стала выражать неудовольствіе по поводу тѣхъ мѣръ, которыя примѣнялись къ Моисееву, и стала требовать, чтобы Моисеева развязали. Хотя это требованіе публики и было исполнено, но сторожа все-таки не измѣнили своего суроваго обращенія съ арестованнымъ, продолжая наносить ему побои. Тутъ кто-то изъ сторожей заявилъ уряднику Щербачеву, что Моисеевъ кусается. На это заявленіе Щербачевъ сказалъ: „Такъ бейте его въ зубы!“ Тотчасъ же сторожа положили Моисеева на землю и стали его бить, причемъ особенно отличались сторожъ Ягоновъ и полицейскій Чибисовъ: первый изъ нихъ всталъ на Моисеева и каблукомъ сапога ударялъ по лицу. Это новое распоряженіе урядника и точное исполненіе его подчиненными переполнило чашу терпѣнія собравшейся публики; некоторые изъ нея вступились за Моисеева, въ томъ числѣ и присяжный стряпчій П. Р. Блажей; одѣтый по лѣтнему, въ рубашкѣ и въ старенькомъ пальто, онъ подошелъ къ уряднику и заявилъ ему: „Какъ можно отдавать такіа возмутительныя приказанія!“ Урядникъ Щербачевъ, услыша это заявленіе, схватилъ г. Блажея за руку, причемъ надорвалъ рукавъ, и отдалъ распоряженіе сторожамъ его „взять“. Два сторожа подхватили г. Блажея за руки и повели на квартиру урядника. Послѣ арестованія г. Блажея у урядника Щербачева оказался оторваннымъ погонь, который до того времени, какъ удостовѣрилъ на судѣ цѣлый рядъ свидѣтелей, былъ въ цѣлости. Всю дорогу, съ средней площадки до ресторана Крынкина, г. Блажей вели сторожа подъ руки. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія обращеніемъ съ нимъ урядника, г. Блажей назвалъ послѣдняго „негодяемъ“. Въ то время, какъ г. Блажея вели на квартиру къ уряднику, Моисеевъ, весь окровавленный, былъ доставленъ „для вырезвленія“ въ „сборную избу“, гдѣ его заперли въ сарай, причемъ не перемѣнили даже бѣлья, несмотря на то, что погода была холодная, а одежда Моисеева вся мокрая.

Слѣдомъ за арестованнымъ урядникомъ прис. стряпч. Блажеемъ направилась цѣлая толпа очевидцевъ, желавшихъ быть свидѣтелями при составленіи полицейскаго протокола. Но когда г. Блажея ввели въ квартиру урядника Щербачева, то послѣдній, поставивъ у крыльца двухъ сотскихъ, приказалъ имъ никого изъ постороннихъ къ нему въ квартиру не впускать. Здѣсь, у себя въ кабинетѣ, урядникъ, облокотившись на столъ, заявилъ г. Блажею, что онъ, Блажей, находится теперь у него, урядника, въ рукахъ, а потому, что онъ съ нимъ захочетъ, то и сдѣлаетъ. Подобнаго рода заявленіе заставило прис. стр. Блажея подумать о защитѣ, и онъ взялся рукой за чугунный прессъ, лежавшій на столѣ урядника. Тогда послѣдній пригласилъ къ себѣ въ квартиру „своихъ“ свидѣтелей, понятыхъ. Для удостовѣренія личности г. Блажей просилъ послать за купцомъ Крынкинымъ, который состоитъ его довѣрителемъ. Вмѣстѣ съ явившимся въ квартиру урядника Крынкинымъ проникъ и домовладѣлецъ С—въ, желавшій быть свидѣтелемъ по протоколу г. Блажея. Лишь только урядникъ узналъ о цѣли прихода г. С—ва, онъ, обращаясь съ нимъ на „ты“, приказалъ „выйти вонъ“. Когда же С—въ не проявилъ желанія исполнить этого приказанія, то урядникъ Щербачевъ самъ его вытолкнулъ изъ квартиры. С—въ „на лету“ сказалъ: „Такъ поступаетъ мужикъ, дворникъ!“ Услыша лишь послѣднія два слова, урядникъ вернулъ С—ва обратно и сталъ составлять протоколъ также и на него. Протоколъ, составленный на г. Блажея, урядникъ Щербачевъ не далъ прочесть обвиняемому, почему отъ подписанія этого протокола г. Блажей отказался. Что же касается домовладѣльца С—ва, то по отношенію къ нему урядникъ Щербачевъ проявилъ особенное

радушнѣ: г. С—ва тутъ же угощали коньякомъ и приглашали перекинуться преферансомъ или сыграть три робера въ винтъ. Подписывалъ протоколъ С—въ, находясь во внутреннихъ комнатахъ квартиры урядника, не зная о содержаніи самаго протокола, одной рукой, въ то время, какъ въ другой у него была рюмка съ коньякомъ. Протоколъ на Моисеева былъ составленъ лишь на слѣдующій день, причѣмъ въ этомъ протоколѣ Моисеевъ долженъ былъ признать себя виновнымъ во всемъ томъ, въ чемъ его обвинялъ урядникъ, „хотя происшествія онъ, Моисеевъ, за сильвымъ опьяненіемъ не помнитъ“.

Въ такомъ видѣ былъ представленъ случай 2 мая на Воробьевыхъ горахъ сторонними свидѣтелями изъ публики, очевидцами: электротехникомъ А. Щукинымъ, его братомъ фабрикантомъ В. Щукинымъ, свободнымъ художникомъ Ермолаевымъ. Черезъ два дня послѣ происшествія полицейскій врачъ Прѣсенской части Воздвиженскій произвелъ медицинскій осмотръ Моисеева, лежавшаго больнымъ отъ полученныхъ побоевъ, который и констатировалъ получение Моисеевымъ различнаго рода побоевъ, ссадинъ, кровоподтековъ и другихъ поврежденій какъ на всемъ тѣлѣ, такъ равно и на внутренней сторонѣ десенъ.

На основаніи полицейскихъ протоколовъ Моисеевъ, прис. стр. Блажей и С—въ обвинялись кромѣ нарушенія общественной тишины, также: первый въ томъ, что ударилъ матроса Салтыкова и сорвалъ у урядника на городскомъ берегу Москвырѣчки погонь, второй и третій—въ оскорбленіи урядника словами при исполненіи служебныхъ обязанностей. Все, изложенное въ протоколахъ, свидѣтели урядника Щербачева подтвердили.

Что же касается факта полученія Моисеевымъ различнаго рода пораненій, то относительно ихъ урядникъ Щербачевъ объяснилъ, что они явились слѣдствіемъ паденія Моисеева съ средней площадки Воробьевыхъ горъ на нижнюю, во время котораго Моисеевъ, скатываясь, ударялся о попадавшіяся по дорогѣ камни и бревна. Всѣ другіе свидѣтели обвиненія показывали, что Моисеевъ, будто бы, вырвался и упалъ лицомъ на камни. Тѣ же свидѣтели установили, что при составленіи полицейскихъ протоколовъ постороннихъ лицъ, желающихъ быть свидѣтелями, урядникъ Щербачевъ не допускалъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ на судѣ выяснилось, что приставъ 3-го стана Шимановскій просилъ у г. Блажая извиненія за дѣйствія своего урядника Щербачева и что послѣдній самъ приходилъ къ тому съ предложеніемъ извиниться, но это извиненіе г. Блажей отклонилъ.

Защитникомъ по всемъ трѣмъ дѣламъ выступилъ прис. пов. М. М. Полонскій. Мировой судья г. Терновецъ, разобравъ настоящія дѣла, призналъ Моисеева и С—ва невинными ни въ одномъ изъ предъявленныхъ къ нимъ урядникомъ Щербачевымъ обвиненій, а г. Блажая, въ виду его личнаго сознанія—лишь въ оскорбленіи словами должностнаго лица при отправленіи служебныхъ обязанностей, а потому и оштрафовалъ на 5 рублей. Въмѣстѣ съ тѣмъ, соглашаясь съ мнѣніемъ защитника, что всѣ дѣйствія урядника Щербачева были незаконными, что на основаніи распоряженій этого же урядника чины полиціи производили надъ Моисеевымъ мучительныя истязанія, постановилъ о дѣйствіяхъ урядника и полиціи сообщить прокурору Московскаго окружнаго суда.

(Р. В.)

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ.

(10 іюля 1899 года, № 16299).

Во исполненіе Высочайшей воли, выраженной въ Правительственномъ сообщеніи, 25 мая сего года, по совѣщаніи съ попечителями учебныхъ округовъ и начальниками высшихъ учебныхъ заведеній, я призналъ возможнымъ оказать снисхожденіе всѣмъ участникамъ бывшихъ въ текущемъ году безпорядковъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, пребываніе коихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ признано вреднымъ для правильнаго хода учебныхъ занятій и которые, поэтому, не должны быть принимаемы ни въ какое учебное заведеніе. Всѣ же прочіе уволенные изъ высшихъ учебныхъ заведеній должны быть раздѣлены на двѣ категоріи: 1) тѣ, которые могутъ быть обратно приняты въ то же учебное заведеніе въ августѣ текущаго года; если бы по числу мѣствъ въ учебномъ заведеніи или инымъ соображеніямъ лица этой категоріи не могли быть всѣ приняты въ число студентовъ, то возможно зачислить ихъ съ января будущаго года или допускать прямо къ испытаніямъ въ маѣ 1900 года, съ зачисленіемъ ихъ, по выдержаніи испытанія, въ студенты; 2) тѣ, которые могутъ быть приняты обратно въ то же учебное заведеніе въ августѣ 1900 года. Сюда, между прочимъ, могутъ быть отнесены и тѣ, которые во время безпорядковъ были исключены безъ права обратнаго поступленія къ какому-либо учебное заведенію, если будетъ признано по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ, что отъ нихъ нельзя ожидать вреднаго вліянія на товарищей и на правильный ходъ учебныхъ занятій.

Самое распределеніе лицъ на эти категоріи я предоставляю усмотрѣнію вашего превосходительства, по соглашенію съ начальствомъ учебнаго заведенія и мѣстной администраціею.

Всѣ желающіе быть принятыми должны подать прошеніе въ то учебное заведеніе, изъ котораго были удалены, и быть поставлены въ извѣстность, что, въ случаѣ новаго ихъ участія въ безпорядкахъ, они будутъ исключены безъ права обратнаго поступленія въ какое-либо учебное заведеніе.

Объ изложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для надлежащаго исполненія.

Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ:

О предоставленіи Его Императорскому Высочеству московскому генераль-губернатору, въ изытаніе изъ общаго порядка, въ теченіе пяти лѣтъ, особыхъ полномочій.

По выслушаніи записки министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 16 апрѣля 1899 г. за № 2079 (по деп. полиц.), о предоставленіи московскому генераль-губернатору права налагать, собственною властью, взысканія на содержателей гостинницъ, подворій, заѣзжихъ домовъ и тому подобнаго открытыхъ для публики учрежденій за допущеніе въ нихъ посѣтителей для разврата, комитетъ министровъ полагалъ: предоставить московскому генераль-губернатору, въ изытаніе изъ общаго порядка, въ теченіе пяти лѣтъ, налагать собственною властью де-

нежные штрафы до пятисот рублей или арестъ до одного мѣсяца на содержателей гостинницъ, подворій, заѣзжихъ домовъ, меблированныхъ комнатъ, вообще всѣхъ заведеній трактирнаго промысла, а также бань, купаленъ и тому подобныхъ открытыхъ для публики учреждений за допущеніе въ нихъ посѣтителей для разврата.

Государь Императоръ, въ 21 день мая 1899 г., положеніе комитета Высочайше утвердиль.

Хроника.

На основаніи ст. 21¹⁷ пол. взыск. гражд. т. XVI ч. 2, св. зак., по прод. 1895 г., назначивъ срокомъ вступленія въ дѣйствіе **мѣстныхъ запретительныхъ книгъ** 1 октября 1899, Министръ Юстиціи, 12 іюня 1899 г., предложилъ о семъ Правительствующему Сенату, для опубликованія.

Министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ, какъ сообщаютъ „Моск. Вѣд.“, **закрыть юридическое общество**, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Вместе съ тѣмъ министръ предоставилъ совѣту университета войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи новаго юридическаго общества, но не иначе, какъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Всѣ профессора юридическаго факультета состоятъ его членами по своей должности. 2) Предсѣдатели общества и его отдѣленій должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаются въ должностяхъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ начальника Тульской губерніи, что имъ не признано возможнымъ разрѣшить **изданіе въ Москвѣ земскаго періодическаго органа печати** на средства всѣхъ губернскихъ земствъ или тѣхъ изъ нихъ, кои пожелають принять участіе въ изданіи такового подъ отвѣтственностью московской губернской земской управы и что потребность земства въ періодическомъ органѣ печати предполагается удовлетворить путемъ изданія съ 1 января 1900 года офіціального органа при хозяйственномъ департаментѣ.

Въ Варшавѣ на-дняхъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, польскій журналъ „Заря“ (Zorza) **пріостановленъ на 6 мѣсяцевъ**. Какъ увѣряетъ „Нов. Вр.“, кара постигла журналъ за то, что Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ законовъ о ссылкѣ въ Сибирь онъ помѣстилъ въ отдѣлѣ „иностранныхъ извѣстій“.

Особой комиссіей при департаментѣ таможенныхъ сборовъ, подъ предсѣдательствомъ вице-директора Бѣляскаго, пересмотрѣны II и III раздѣлы **таможеннаго устава**. Выработанныя ею новыя правила о привозѣ товаровъ (раздѣлъ II) и о досмотрѣ (раздѣлъ III) вносятся въ осеннюю сессію Государственнаго Совѣта. Въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ оконченъ пересмотръ раздѣла V (о пропускѣ пассажирскихъ вещей) и препровожденъ на заключеніе другихъ вѣдомствъ.

При министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ образована, подъ предсѣдательствомъ юрисконсульта министерства тайн. сов. Москальскаго, при участіи специалистовъ по рыбному дѣлу и юристовъ, **комиссія для выработки карательныхъ мѣръ въ промыслахъ и для составленія предположеній о назначеніи штрафныхъ суммъ, взыскиваемыхъ съ нарушителей рыболовныхъ правилъ**.

Изъ только-что вышедшаго „Списка чиновъ тюремнаго вѣдомства“ видно, что по образованію тюремные чины распредѣляются слѣдующимъ образомъ: съ высшимъ образованіемъ—44, со среднимъ—31, съ низшимъ—67 и съ домашнимъ 22. Изъ нихъ поступило на службу въ тюремное вѣдомство до перехода его въ вѣдѣніе министерства юстиціи 129 лицъ, а послѣ перехода 35 лицъ. Если сопоставить эти двѣ категоріи въ отношеніи образованія, то получится слѣдующее: до перехода тюремнаго вѣдомства въ вѣдѣніе министерства юстиціи лицъ съ высшимъ образованіемъ было 22,5 проц. и съ низшимъ образованіемъ 44,2 проц., послѣ перехода число первыхъ увеличилось до 42,9 проц., а число послѣднихъ понизилось до 28,6 проц.

Департаментъ торговли и мануфактуръ разъяснилъ: 1) совершеніе маклерами маклерскихъ записокъ по сдѣлкамъ не биржевымъ или хотя и биржевымъ, но заключеннымъ не на той биржѣ, при которой они состоятъ и имѣютъ право посредничества, не должно быть допускаемо; 2) участіе биржевыхъ маклеровъ въ распоряженіи дѣлами акціонерныхъ и паевыхъ предпріятій, въ качествѣ членовъ правленія или другихъ должностныхъ лицъ названныхъ учреждений, не можетъ быть совмѣщаемо съ занятіемъ маклерства на биржахъ.

Правительствующій Сенатъ, какъ сообщаютъ „Сиб. Вѣд.“, разъяснилъ, что **должностныя лица волостныхъ и сельскихъ управленій** въ случаѣ ареста по распоряженію начальства за маловажные проступки по должности получаютъ кормовое довольствіе отъ казны.

По одному дѣлу, возникшему въ практикѣ Черниговскаго городского управленія, Правительствующій Сенатъ нашель, что, согласно п. 4 ст. 2 гор. пол., изд. 1892 г., къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія принадлежитъ содержаніе въ исправности и устройство состоящихъ въ вѣдѣніи городского общественнаго управленія улицъ, площадей, набережныхъ, общественныхъ садовъ, бульваровъ и пр., при чемъ по п. VII той же статьи 2-й на городское же управленіе возлагается попеченіе о лучшемъ устройствѣ городского поселенія по утвержденнымъ планамъ. Одной изъ такихъ мѣръ къ лучшему устройству городского поселенія несомнѣнно должно быть признано разведеніе на находящихся въ завѣдываніи города улицахъ, площадяхъ и набережныхъ бульваровъ и скверовъ, и посему **городамъ закономъ не воз-**

браняется устраивать на пустопорожних мѣстах и площадях скверы, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы они, согласно ст. 8 гор. пол., составляя городскую собственность, находились въ общемъ вѣхъ пользованіи. Такое устройство скверовъ само по себѣ не можетъ составить измѣненія плана городского поселенія и не требуетъ поэтому и разрѣшенія, согласно п. 3 отд. 2 ст. 79 гор. пол., министерства внутреннихъ дѣлъ. (Черн. Г. В.).

Предположенія городскихъ общественныхъ управленій относительно постановки въ залахъ засѣданій городскихъ думъ или собраній городскихъ уполномоченныхъ, или въ другихъ помѣщеніяхъ городского управления портретовъ лицъ, оказавшихъ городамъ тѣ или другія услуги, въ знакъ особой признательности или уваженія городского общества къ этимъ лицамъ, приводятся въ исполненіе обыкновенно по предварительномъ испрошеніи на это губернскимъ начальствомъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣднее время Правительствующимъ Сенатомъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ разъяснено, что въ законѣ нигдѣ не содержится правила, коимъ воспрещалось бы земскимъ собраніямъ дѣлать распоряженія о постановкѣ въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ портретовъ лицъ, служившихъ въ земствѣ и дѣятельностью своею на пользу названныхъ учреждений заслуживающихъ особаго вниманія и признательности мѣстнаго населенія; равнымъ образомъ законъ не требуетъ отъ земскихъ собраній для осуществленія приведеннаго права предварительнаго испрошенія согласія на сіе высшей правительственной власти. Такъ какъ примѣняемый нынѣ порядокъ разрѣшенія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ходатайствъ городскихъ общественныхъ управленій относительно постановки портретовъ въ городскихъ помѣщеніяхъ основанъ не на какомъ-либо положительномъ законѣ, а лишь на установившейся по этому предмету практикѣ, и, такимъ образомъ, приведенныя выше соображенія Правительствующаго Сената вполне примѣнимы и къ городскимъ общественнымъ управленіямъ, то къ испрошенію этими управленіями особыхъ разрѣшеній на постановку портретовъ, какъ разъяснено послѣдовавшимъ на-дняхъ циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не имѣется законной надобности. Поэтому постановленія городскихъ думъ или собраній уполномоченныхъ о постановкѣ портретовъ въ городскихъ помѣщеніяхъ подлежатъ приведенію въ исполненіе тѣмъ же, указаннымъ въ ст. 82 и слѣд. гор. полож., порядкомъ, какъ всякія вообще другія постановленія думы или собранія, не требующія утвержденія.

Св. Синодъ разъяснилъ, что присужденіе извѣстнаго лица къ аресту при тюремѣ не лишаетъ его права быть избраннымъ на должность церковнаго старосты, такъ какъ, по силѣ § 7 п. 3 Высочайше утвержденной инструкціи церковнымъ старостамъ, на эту должность не могутъ быть избираемы лишь лица, подвергшіяся по судебнымъ приговорамъ за противозаконныя дѣянія заключенію въ тюрьмѣ или другому болѣе строгому наказанію.

Нѣкоторыми уѣздными земствами были возбуждаемы

передъ губернаторами ходатайства о наложеніи штрафовъ на родителей тѣхъ учениковъ, которые уклоняются отъ посѣщенія сельской школы или же по неуважительнымъ причинамъ пропускаютъ уроки. Эти ходатайства остались неудовлетворенными, согласно заключенію министерства народнаго просвѣщенія, которое высказалось, что такъ какъ въ Россіи не существуетъ системы обязательнаго обученія, то и наложеніе штрафовъ на родителей, такъ или иначе не исполняющихъ требованій школьнаго начальства, не можетъ быть примѣняемо.

Въ непродолжительномъ времени въ Томскѣ ожидается старшій председатель Омской судебной палаты д. с. с. Безе. По слухамъ, прѣбавъ его превосходительства связанъ съ вопросомъ о введеніи въ Томской губерніи института присяжныхъ засѣдателей. („Сиб. В.“).

На-дняхъ въ камерѣ мирового судьи г. Тары разбиралось дѣло по обвиненію крестьянскаго начальника 3 участка г. Т. въ нанесеніи имъ оскорбленія дѣйствіемъ 16-лѣтней дѣвицы, дочери переселенца, служившей за нѣсколько дней до этого у него въ качествѣ горничной. Свидѣтельскими показаніями вполне подтвердился фактъ мордобитія безъ всякой вины со стороны дѣвицы. Крестьянскій начальникъ, за возмутительное отношеніе къ человѣческой личности, и въ частности къ женщинѣ, правосудіемъ приговоренъ къ 2-хъ-мѣсячному аресту. (Сиб. Вѣстн.)

Недавно во Владивостокѣ въ тюрьму былъ посаженъ одинъ изъ ссыльно-поселенцевъ — заурядный преступникъ. Сначала онъ оказался избитымъ въ камерѣ, но скрылъ это, а потомъ его нашли по-утру мертвымъ. Никакихъ внѣшнихъ признаковъ насилія не обнаружено. При вскрытіи оказалось, что внутренности и легкія были переполнены водою и на зубахъ были обнаружены крошки пробки. Говорятъ, что несчастнаго утопили изъ ложки. Его заставили разинуть ротъ, вставили туда пробку и лили воду до тѣхъ поръ, пока тотъ не захлебнулся. Въ камерѣ было около тридцати человѣкъ, и виновныхъ, по сообщенію „Владив.“, не обнаружено, никто ничего не видѣлъ и не слышалъ. Говорятъ, однако, что эта была месть за что-то прежнее, — на Сахалинѣ.

Въ Кіевской тюрьмѣ отбывалъ срокъ наказанія кр. Мищукъ, приговоренный къ четырехмѣсячному заключенію за кражу двугривеннаго съ мошей въ лаврскихъ пещерахъ. Мищукъ заявилъ, что онъ не здоровъ и идти на работу не можетъ. Тюремные надзиратели отнесли къ этому заявленію съ недоумѣніемъ. Однако, Мищукъ настаивалъ на своемъ. Надзиратели сочли это за дерзость и начали колотить арестанта. Они избили его настолько усердно, что Мищукъ слегъ въ постель и на четвертый день умеръ. Дѣлу данъ законный ходъ. (Россія).

Изъ Александріи, Херсонск. губ., сообщаютъ „Русскимъ Вѣдом.“, что тамъ на дверяхъ уѣзднаго съезда вывѣшено было объявленіе слѣдующаго содержанія.

„Объявленіе. 1899 года, іюня 14-го дня. Въ виду

невозможности составить присутствие съезда за **непробытием земских начальников**, назначенных в очередь, дѣла, назначенныя къ разбору на настоящее число, откладываются до одного изъ слѣдующихъ съездовъ въ августъ мѣсяцъ“ (подпись уѣзднаго члена окружнаго суда и секретаря).

Отложено, такимъ образомъ, 25 дѣлъ, по которымъ сторонъ и свидѣтелей явилось до 50 человекъ.

Большинство этихъ лицъ были, конечно, крестьяне, и изъ тѣхъ разговоровъ, которыми они дѣлились между собою, можно было узнать, что нѣкоторые прибыли сюда по дѣлу за 60—70 верстъ, одинъ былъ вызванъ даже изъ чужой, Киевской губерніи; иные привезли на свой счетъ свидѣтелей, такъ какъ съездъ рѣдко самъ прибѣгаетъ къ вызову такихъ. Такимъ образомъ, рабочіе люди въ рабочее время должны были потратить два—три дня, прохарчиться сами, заплатить свидѣтелямъ, идти, ѣхать, и все это только для того, чтобы прочитать приведенное выше объявленіе.

Въ виду повторяющихся въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи неурожаевъ и несвоевременнаго въ этихъ случаяхъ выясненія продовольственнаго вопроса, что чрезвычайно важно для опредѣленія размѣровъ нужды пострадавшаго населенія и своевременнаго оказанія ему помощи, нѣкоторыми земскими управами нынѣ готовятся для обсужденія на предстоящихъ земскихъ собраніяхъ доклады объ организаціи при управахъ специальныхъ **продовольственно-статистическихъ бюро**.

(Астр. Вѣстн.).

По сообщенію изъ Одессы въ газету „Югъ“, въ Одесскомъ уѣздѣ состоялся на-дняхъ соединенный волостной сходъ поселеній Зельцкой, Баденской, Страсбургской и Мангеймской волостей, на которомъ постановленъ приговоръ такого содержанія: „Принимая во вниманіе, что похищеніе лошадей происходитъ весьма часто, что несмотря на самыя энергичныя мѣры, принимаемыя полиціей, ни виновные, ни похищенное по большей части не обнаруживаются, что тѣ лица, у которыхъ похищаются лошади, лишаются самой необходимой силы и что противъ конокрадства необходимо принять болѣе рѣшительныя мѣры,—мы, съ общаго всѣхъ согласія, постановили просить уѣздную земскую управу обсудить этотъ вопросъ, причемъ сходъ съ своей стороны полагаемъ бы, что одною изъ мѣръ, обезпечивающей населеніе отъ конокрадства, было бы установленіе записи родившихся жеребятъ въ книги сельскихъ и волостныхъ правленій и **выдача каждому жеребенку особаго удостовѣрительнаго свидѣтельства** по достиженіи 6 мѣсяцевъ, безъ каковаго свидѣтельства ни одна лошадь не можетъ быть ни продана, ни куплена, и должна считаться безъ такого свидѣтельства приобрѣтенною неблаговиднымъ способомъ и во-2-хъ, выработанныя сходомъ правила представить на разсмотрѣніе земскаго собранія“.

Изъ доставленнаго намъ отчета по **костромскому ремесленно-исправительному пріюту** за 1898 годъ видно, что въ отчетномъ году въ пріютѣ содержалось среднимъ числомъ 33 воспитанника; на 1 января 1898 г. ихъ было 34. Первенствующее мѣсто въ пріютѣ

отведено школьному обученію: уроки продолжаются съ 9¹/₂ до 4 ч. съ часовымъ перерывомъ для обѣда и отдыха. Кромѣ того, дѣти работаютъ въ мастерскихъ: такъ, напр., въ сапожной мастерской, гдѣ сгруппированы дѣти подростки, болѣею частью лѣтъ 12—13, одна группа занимается 5¹/₂ ч., а другая—5 ч. Поведеніе воспитанниковъ къ концу отчетнаго года выразилось такъ: отличнаго—6, хорошаго—10, удовлетворительнаго—12, неудовлетворительнаго—4 и дурного—2.

Свѣдѣнія о выпущенныхъ изъ пріюта воспитанникахъ болѣе или менѣе благопріятны; лишь одинъ изъ нихъ, содержавшійся въ пріютѣ 1 годъ и 1 мѣсяцъ, находится въ тюрьмѣ по приговору земскаго начальника. Половина освобожденныхъ воспитанниковъ занимается мастерствомъ, которому научились въ пріютѣ, 4 работаютъ на фабрикахъ, одинъ крестьянствуетъ съ родителями и т. д. Содержаніе каждаго воспитанника въ годъ обошлось въ 146 р. 96 к., а если отсюда исключить чистую прибыль отъ мастерскихъ и огорода, то содержаніе стоитъ лишь 136 р. 15 к.

Библиографія.

„Журналъ Министерства Юстиціи“ 1899 г. № 6.

Мы уже упоминали въ „Правѣ“ объ окончаніи работъ Высочайше учр. при м-вѣ ю. комиссіи для пересмотра законоположеній по суд. части. Въ лежащей предъ нами послѣдней книгѣ „Ж. М. Ю.“ напечатанъ журналъ послѣдняго засѣданія комиссіи 5 іюня 1899 г. Засѣданіе это открыто было рѣчью предсѣдателя комиссіи Н. В. Муравьева. Очертивъ подробно внѣшнюю сторону работъ комиссіи, отмѣтивъ огромную массу исполненнаго труда („десятки печатныхъ томовъ, рискующихъ вызвать традиционную усмѣшку досужихъ зоиловъ надъ коммисіонными трудами, это 4¹/₂ тысячи заново редактурированныхъ статей, невольно поражающихъ непривычное или обремененное вниманіе“), г. предсѣдатель перешелъ къ характеристикѣ внутренняго содержанія работъ комиссіи. „Комиссіи приходилось работать среди различныхъ теченій общественной и юридической мысли, служащихъ до извѣстной степени показателемъ окружающихъ настроеній. Пестро, измѣнчиво, противорѣчиво и не чуждо крайнихъ увлеченій это разнохарактерное пониманіе судебныхъ идеаловъ, и невозможно угодить ему. Одни, считая всю судебную реформу пагубной ошибкой, обращаютъ свои взоры вспять и помышляютъ, повидимому, о такомъ судѣ, который ничѣмъ не отличался бы отъ административно-полицейскаго воздѣйствія. При этомъ иногда даже рѣшаются выводить огульное порицаніе теперешнихъ судебныхъ порядковъ изъ единичныхъ, произвольно оцѣниваемыхъ, невѣрно освѣщаемыхъ и потому ничего не доказывающихъ примѣровъ. Другіе, наоборотъ, вдохновляясь иными, не нашими условіями и нравами, нетерпѣливо и поспѣшно порываются къ чисто-теоретическому прогрессу, напругъ къ выборнымъ судьямъ, къ исключительному преобладанію гарантій личности, къ гласному и состязательному предварительному слѣдствію, въ то время, когда нужно зорко охранять публичную безопасность, когда предстоитъ еще создавать правильный уголовный розыскъ, когда еще приходится воспитывать въ судѣ людей и ихъ міровоззрѣніе и при этомъ бороться съ такими противниками, какъ обширность страны, малонаселенность и всяческая скудость или неравно-

мѣрность общественной культуры. Третьи, не думая ни о какихъ практическихъ препятствіяхъ и разсуждая какъ бы внѣ времени и пространства, туманно мечтаютъ объ уничтоженіи судебныхъ формальностей, о какихъ-то идеализованныхъ, не русскихъ судьяхъ, которые не стѣсняются узкими рамками закона и свободно гдѣ-то ищутъ и провозглашаютъ, будто бы, имъ однимъ вѣдомую истину, между тѣмъ какъ все у насъ—исторія, общественность, привычки—*требуетъ именно строжайшей во всемъ законности* и разумнаго, осмотрительнаго упорядоченія, а не фантазій. Для четвертыхъ, наконецъ, замкнувшихъ свой кругозоръ уставами 1864 г., каждая буква въ нихъ есть непрекаемая истина, святая, которой не слѣдуетъ касаться даже съ наилучшей цѣлью, изъ опасенія новымъ, неизвѣданнымъ повредить старому, испытанному“. Комиссія не примкнула ни къ одному изъ приведенныхъ и подобныхъ имъ воззрѣній. Поставивъ своей цѣлью произвести „улучшеніе, а не реформу еще столь недавно преобразованнаго суда“, комиссія руководствовалась началомъ практической цѣлесообразности и считала „единственно надежнымъ источникомъ“—открывшійся предъ нею „огромный запасъ вседневнаго опыта судящихъ и судящихся, который и показаль, куда идти“. При этомъ комиссія не стѣснялась ни доктриной, ни возраженіями, когда находила, что та или другая мѣра достаточно обуславливается совокупнымъ интересомъ правосудія и населенія». Какъ бы для объясненія этихъ пріемовъ, г. предсѣдатель напоминаетъ, что „судъ—не зрѣлище, не публицистическое упражненіе, не удовлетвореніе личныхъ вкусовъ и симпатій; судъ—это отраженіе мудрости законодателя и совѣсти народной, судъ есть лучшая охрана законныхъ правъ, но не абсолютно, а въ предѣлахъ данной, человѣческой и общественной возможности“.

Всѣ вносимыя въ судебные уставы новыя или видоизмѣненныя постановленія неукоснительно направлены къ осуществленію многократно выраженныхъ общихъ задачъ перестройки, а именно: къ объединенію судебного устройства въ различныхъ частяхъ Имперіи, уже подготовленному мѣропріятіями послѣднихъ лѣтъ, къ большей близости и доступности суда для населенія, къ упрощенію, удешевленію и ускоренію правосудія, къ утвержденію государственнаго значенія и правительственнаго характера судебного вѣдомства, къ нравственному и материальному поднятію его чиновъ, къ укрѣпленію и развитію возможнаго общественнаго участія въ отправленіи суда, и вообще къ устраненію недостатковъ и восполненію пробѣловъ судебной части, когда тѣ и другіе зависятъ отъ несовершенствъ закона и обусловленныхъ ими судебныхъ распоряждовъ“.

Далѣе, по словамъ предсѣдателя, „не подорванъ ни одинъ изъ основныхъ принциповъ юстиціи, ни одинъ дѣйствующій судебный институтъ, успѣвшій заслужить народное расположеніе, не поколебленъ и не поврежденъ, а, напротивъ, многіе исправлены или улучшены“.

Короче, въ работѣ нашей судебные уставы не перестали быть тѣмъ, чѣмъ они были до нея; если же въ самомъ названіи точнѣе обозначить ея отношеніе съ ними, то можно было бы лишь продолжить заглавіе, сказавъ: *судебные уставы Императора Александра II, пересмотрѣнные по повелѣнію Императора Александра III въ Царствованіе Императора Николая II*.

Судебные уставы дали Россіи новый судъ; пусть же послѣ пересмотра онъ станетъ судомъ уже не новымъ, но незамѣнимымъ“.

Рѣчь г. предсѣдателя привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе: многочисленныя статьи посвящены ей въ столичной прессѣ, одесскій городской голова по единогласному постановленію городской ду-

мы отправилъ министру юстиціи телеграмму, въ коей выражается пожеланіе и надежда на сохраненіе института мировыхъ судей. (См. Право № 28). Такую же надежду высказываетъ „Вѣстникъ Европы“ во внутреннемъ обзорѣнн (№ 7 за 1899 г., стр. 379), основываясь на приведенныхъ выше словахъ предсѣдателя комиссіи, что „ни одинъ институтъ, успѣвшій заслужить народное расположеніе, не поколебленъ и не поврежденъ“. „Расположеніе народа къ выборному мировому институту, замѣчаетъ В. Е., фактъ бесспорный и общеизвѣстный, и сторонники этого суда могли бы успокоиться вполне, если бы въ рѣчи г. предсѣдателя комиссіи не говорилось объ утвержденіи правительственнаго характера судебного вѣдомства“. Отмѣтимъ еще указаніе „В. Е.“ на недостаточность того начала, которое, по словамъ предсѣдателя комиссіи, служило руководящей нитью для работъ комиссіи. „Прочность и безпристрастіе наблюденій возможны только въ сферѣ точной науки, а не въ области практической жизни. Чѣмъ больше „законъ вседневнаго опыта судящихъ и судящихся“, тѣмъ меньше онъ можетъ служить „единственно надежнымъ источникомъ“ преобразованія, тѣмъ легче потеряться среди его безконечно разнообразныхъ данныхъ“.

Нельзя не привѣтствовать замѣчанія г. предсѣдателя о томъ, что „одновременно съ передачей на заключеніе вѣдомствъ проекты будутъ опубликованы“. Помимо прямой пользы, которой слѣдуетъ ожидать отъ указаній практиковъ и теоретиковъ, такое опубликованіе несомнѣнно не мало будетъ содѣйствовать оживленію нашей юридической мысли.

Г. Яковлевъ въ статьѣ „Пьянство и преступность въ Швеціи“ указываетъ, что въ отношеніи пьянства названная страна находится почти въ одинаковыхъ съ нами условіяхъ. Злоупотребленіе спиртными напитками достигло въ Швеціи огромныхъ размѣровъ. Пользуясь для своей работы всеподданнѣйшими отчетами тюремнаго управленія, г. Яковлевъ доказываетъ, что пьянство играетъ въ Швеціи первенствующую роль въ преступности мужского населенія, у женщинъ сильнѣе выступаетъ впередъ нужда, какъ вѣроятная причина преступленія. Общество и правительство ведутъ настойчивую, энергичную борьбу съ пьянствомъ и результаты ея замѣтно сказываются въ постепенномъ пониженіи % арестантовъ, которые совершили преступленіе въ пьяномъ видѣ или же въ трезвомъ, но будучи за вѣдомыми пьяницами.

Статья **Ө. П. Дубровина** „Аналогія при примѣненіи уголовного закона“, названная авторомъ „опытъ сравнительно историческаго изслѣдованія этого вопроса въ связи съ ученіемъ о толкованіи“ и снабженная отмѣнно длиннымъ спискомъ источниковъ и пособій, коими пользовался авторъ въ первой своей части, напечатанной въ майской книжкѣ, представляетъ рядъ обширныхъ выписокъ изъ сочиненій Милля, Градовскаго, Гауса, Таганцева, Эли, Ортолана, Вехтера, Веккаря и другихъ, а также перепечатокъ законодательныхъ постановленій, относящихся къ разсматриваемому вопросу. Тамъ, гдѣ авторъ не дѣлаетъ буквальныхъ выписокъ, онъ подтверждаетъ всякую высказываемую имъ мысль ссылкой на мнѣніе кого-либо другого, причемъ иной разъ первая половина мысли опирается на Милля, а вторая—на проф. Владислава. Вторая часть статьи передаетъ исторію русскаго законодательства, касающагося аналогіи,—главнымъ образомъ словами проф. Сергѣевича. Современное положеніе вопроса освѣщается рядомъ извлеченій изъ сенатскихъ рѣшеній, причемъ авторъ указываетъ на противорѣчіе взглядовъ, высказанныхъ въ извѣстныхъ рѣшеніяхъ по д. Костюковой (1863 г.) и Игорева (1869 г.), позднѣйшимъ воззрѣніямъ Сената.

Заканчивая свою работу объемистой выпиской изъ объясненій редакціонной комиссіи въ первой

статью проекта уголовного уложения, автор вторично цитирует приведенные им в эпиграф слова А. О. Кони (изъ рѣчи по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможи), должностную подтвердить ту мысль, что устраненіе права опредѣлять наказанія по аналогіи не нарушитъ интересовъ правосудія, „потому что дѣянія, дѣйствительно преступныя, всегда найдутъ себѣ достойную оцѣнку и въ существующемъ уголовномъ законодательствѣ“. Мы совершенно отказываемся понять связь этого послѣдняго замѣчанія съ разсужденіями, приводимыми авторомъ противъ примѣненія аналогіи. Авторъ какъ будто не видитъ, что и въ краснорѣчивыхъ словахъ А. О. Кони („и въ уложеніи найдется и находится законъ, который по своимъ основаніямъ, по своей цѣли, по общимъ свойствамъ описываемаго въ немъ дѣянія, — однимъ словомъ, по своему разуму обниметъ собою еще прямо не заклеяныя уложеніемъ, но несомнѣнно преступныя дѣянія“) заключается прямое признание допустимости аналогіи при примѣненіи уголовного закона.

Статья Л. И. Петрова „Происхождение обычнаго права“, есть, какъ указываетъ авторъ, „опытъ научной разработки данныхъ по сборнику „Материалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. Въ действительности однако изъ статьи нельзя вынести какихъ либо свѣдѣній объ этихъ матеріалахъ и очень мало свѣдѣній объ обычномъ правѣ населенія Кавказа. Авторъ почти исключительно занимается критикой ученія Савиньи и Пухты объ обычномъ правѣ. Авторъ полагаетъ, что „схема происхожденія обычнаго права, предложенная Савиньи и Пухтой — неправильна, такъ какъ при ней не объяснимъ партикуляризмъ обычнаго права и что фактъ поразительнаго сходства первобытныхъ законодательствъ наводитъ на мысль, что источникъ обычнаго права нужно искать не въ таинственномъ народномъ духѣ, а въ чемъ либо другомъ“. Далѣе по мнѣнію автора, эта теорія не въ силахъ объяснить международныхъ и церковныхъ обычаевъ. Обычаи являются часто результатомъ воздѣйствія другихъ народовъ. Это положеніе, которое едва ли возможно въ настоящее время сколько нибудь серьезно отрицать, авторъ подкрѣпляетъ ссылками на работы Ковалевскаго, Леонтовича и на матеріалы. Но безъ такихъ ссылокъ авторъ обходится, когда высказываетъ мнѣніе, что право до извѣстной степени является продуктомъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Авторъ склоненъ придавать этому фактору развитія особенно большое значеніе. Г. Петровъ не довольствуется критикой ученія исторической школы о происхожденіи права и старается доказать, что тезисы, выставленные на знамени исторической школы, не отличались особенной новизной.

Статья г. С. Соловьева „Шантажъ“ преимущественно стремится доказать, что редакторы проекта уголовного уложения сами себѣ противорѣчили, видя какую-то разницу между вымогательствомъ и шантажемъ. Доказательства эти весьма курьезны. Авторъ ставитъ такое положеніе: оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ, будь оно совершено (!), взятое само по себѣ, есть дѣяніе преступное; слѣдовательно угроза такимъ оглашеніемъ есть угроза наказуемая, а такъ какъ принужденіе къ выдачѣ имущества есть общій признакъ вымогательства и шантажа, то въ этомъ случаѣ нѣтъ разницы между шантажемъ и вымогательствомъ. При этомъ авторъ забываетъ что по проекту не всякое оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ преступно; что признаки наказуемой угрозы установлены проектомъ весьма опредѣленно, и что угроза оглашеніемъ не имѣетъ этихъ признаковъ, такъ какъ оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ не есть „насильственное посягательство на личность“. Но авторъ идетъ далѣе: онъ готовъ видѣть наказуемую (съ точки зрѣнія проекта) угрозу въ угрозѣ лжедоносомъ, такъ какъ лжедоносъ есть дѣяніе преступное! Трудно

представить себѣ болѣе очевидное игнорированіе тѣхъ самыхъ принциповъ проекта, противъ которыхъ направлена полемика.

Что касается до предлагаемой авторомъ редакціи статьи, карающей шантажъ (въ изложеніи этой статьи очевидный пропускъ: напечатано „посредствомъ угрозы вымышленныхъ или истинныхъ свѣдѣній“, вмѣсто „...угрозы оглашеніемъ“, и т. д.), то вводя новый видъ „угрозы оглашеніемъ вымышленныхъ или истинныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, оглашеніемъ котораго нарушается какое-либо личное или имущественное благо потерпѣвшаго или члена его семьи“, авторъ вводитъ нѣчто весьма неопредѣленное и растяжимое.

Статья Я. Ф. Брава „Рекомендательная надпись на вексель“ посвящена выясненію юридической природы этой надписи. Разрѣшая этотъ вопросъ на основаніи изученія какъ русской, такъ и нѣмецкой литературы, а равно практики Прав. Сената, авторъ устанавливаетъ слѣдующіе положенія. Въ практикѣ вексельнаго оборота собственно-индоссаментъ и индоссаментъ рекомендательный рѣдко различаются. Авторъ ссылается на рѣшенія Сената, разъяснившія, что сужденіе о томъ, есть-ли данная надпись рекомендательная или передаточная относится къ существу дѣла. Съ этимъ можно согласиться, но дальнѣйшее утвержденіе, что „вопросы, относящіеся до характера индоссамента въ нашей практикѣ должны разрѣшаться не съ формальныхъ точекъ зрѣнія, а на основаніи совокупности другихъ доказательствъ, какъ письменныхъ, такъ и свидѣтельскихъ показаній“, ничѣмъ въ сущности у автора не мотивированное, можетъ быть подвергнуто большимъ сомнѣніямъ, такъ какъ это положеніе искусственно разрываетъ вексельное отношеніе, создавая вмѣстѣ съ тѣмъ серьезныя опасности для вексельнаго оборота. Второе положеніе автора заключается въ томъ, что индоссатъ по рекомендательной надписи юридически предполагается повѣреннымъ съ одной особенностью — правомъ иска отъ собственнаго имени. Въ третьихъ, юридическая индивидуализація рекомендательнаго индоссамента можетъ быть достигнута присвоеніемъ ему спеціальной формы. Надо однако замѣтить, что по этому вопросу авторъ высказывается съ большою неопредѣленностью. Наконецъ, четвертое положеніе автора заключается въ томъ, что индоссатъ по препорученію, по существу своего полномочія, правоспособенъ къ передачѣ векселя лишь по инкассо-индоссаменту, но въ нашемъ законодательствѣ и практикѣ вопросъ этотъ остается открытымъ. Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ рѣшительно нельзя согласиться. Если до сихъ поръ и не было еще ни одного рѣшенія, которое бы прямо разрѣшало этотъ вопросъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что можетъ быть какое-либо сомнѣніе относительно того, какъ судъ долженъ его разрѣшить. Въ самомъ дѣлѣ, если какъ это совершенно правильно признаетъ и авторъ, индоссатъ по порученію *по самому существу своему* управомоченъ лишь къ передачѣ по инкассо-индоссаменту, то какія же могутъ быть сомнѣнія, что судъ, который въ своихъ рѣшеніяхъ не долженъ идти въ разрѣзъ съ существомъ отношеній, только и можетъ признать такую ограниченную управомоченность индоссата по препоручительной надписи, тѣмъ болѣе, что, какъ это признаетъ и авторъ, наши суды разрѣшаютъ отношенія по препоручительному индоссаменту вполне согласно съ существомъ этихъ отношеній.

Въ замѣткѣ „Еще къ вопросу объ условіяхъ для возникновенія права на вознагражденіе по 683 ст. I ч. X т.“, Змирловъ возражаетъ на замѣчанія „Вѣстника Права“, сдѣланныя по поводу статьи г. Змирлова въ № 11 „Права“. Несостоятельность этихъ замѣчаній „Вѣстника Права“ отмѣчена уже нами въ обзорѣ № 4 названнаго журнала (см. „Право“ № 21, стр. 1123).

СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА.

I Департаментъ Правительствующаго Сената.

I.

(Право земства на назначеніе стипендій).

Постановленіями Херсонскаго губернскаго земскаго собранія было опредѣлено вносить въ смѣту Херсонскаго уѣзднаго земства 150 р. въ теченіе 3-хъ лѣтъ въ пособіе вдовѣ К. на обученіе сына ея Дмитрія въ Одесской рисовальной школѣ и ассигновать стипендіи лицамъ, обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе протеста г. херсонскаго губернатора, на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія поступили два вышеназванныхъ постановленія Херсонскаго губернскаго земскаго собранія 1897 года.

Херсонское губернское присутствіе, принявъ во вниманіе: 1) что установленіе стипендій, не основанное на какихъ-либо правилахъ для ихъ полученія, является случайнымъ, не удовлетворяетъ нуждамъ и потребностямъ земства въ образованіи лицъ со спеціальными знаніями, въ которыхъ ощущался бы недостатокъ, и выходитъ изъ круга дѣйствія земскихъ учреждений, указаннаго ст. 3 полож. о зем. учр. 1896 г.; 2) что потребность земства въ лицахъ съ художественнымъ образованіемъ ничѣмъ не установлена, и 3) что на земскія учрежденія возложено попеченіе о начальномъ народномъ образованіи, потребность же въ высшемъ образованіи удовлетворяется лишь настолько, насколько лица, его получающія, служатъ впослѣдствіи для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей населенія губерніи и уѣзда, — отмѣнило оба упомянутыхъ постановленія Херсонскаго уѣзднаго земскаго собранія.

Въ принесенной Правительствующему Сенату жалобѣ, по уполномочію губернскаго земскаго собранія, Херсонская губернская земская управа объясняетъ: 1) что положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ нигдѣ не запрещается земству назначать стипендіи, причѣмъ пользованіе таковыми не всегда налагаетъ на пользующагося ею обязательства по отношенію къ земству (напримѣръ учрежденная въ 1872 г. стипендія имени ген.-маіора С. И. Старинкевича); 2) что право земства учреждать стипендіи признано и Правительствующимъ Сенатомъ (указъ отъ 24 іюля 1884 г. за № 10334), и 3) что поэтому земство можетъ назначать изъ своихъ средствъ стипендіи какъ въ художественныхъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тѣмъ болѣе, что и въ утвержденныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ формахъ для составленія земскихъ смѣтъ § 5 (народное образованіе) предусмтрѣно въ ст. 9 и содержаніе земскихъ стипендіатовъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что на основаніи п. 10 ст. 2 пол. о зем. учр. св. зак. т. II изд. 1892 г., на земскія учрежденія возложены заботы о развитіи средствъ народнаго образованія и что однимъ изъ средствъ

содѣйствія народному образованію является назначеніе пособій и стипендій недостаточнымъ лицамъ, обучающимся въ учебныхъ заведеніяхъ, причѣмъ, за отсутствіемъ въ законѣ какихъ-либо ограниченій относительно рода образованія, содѣйствіе коему возложено на земскія учрежденія, назначеніе пособія лицу, обучающемуся въ рисовальной школѣ, не можетъ считаться выходящимъ изъ предѣловъ власти земскаго собранія. Принимая засимъ во вниманіе, что, согласно разъясненію Правительствующаго Сената (въ указѣ отъ 24 іюля 1884 г.), потребность предоставленія высшаго образованія нѣкоторымъ лицамъ изъ состава мѣстнаго населенія можетъ быть удовлетворена земскими учрежденіями именно назначеніемъ этимъ лицамъ стипендіи на время прохожденія ими курса учебнаго заведенія и не усматривая, согласно изложенному, чтобы постановленія губернскаго земскаго собранія о назначеніи вдовѣ Карповой пособія на обученіе сына ея и объ ассигнованіи стипендій лицамъ, обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, выходили изъ круга предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ заботъ о мѣстныхъ интересахъ и нуждахъ, — Правительствующій Сенатъ признаетъ постановленіе Херсонскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія по настоящему дѣлу лишеннымъ основанія, а потому опредѣляетъ таковое отмѣнить.

II

(Предѣлы примѣненія временныхъ правилъ 3 мая 1882 г.).

Черниговское губ. правленіе не разрѣшило евреямъ А. пребываніе въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ при хуторѣ Пильнѣ, Новозыбковскаго уѣзда. По жалобѣ А. Пр. Сенатъ, разсмотрѣвъ обстоятельство дѣла и принимая во вниманіе: 1) что прим. 4 ст. 959 закон. о сост. т. IX по прод. 1890 г., воспрепятствующее послѣ Высочайшаго повелѣнія 3 мая 1882 года новое поселеніе евреевъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, не воспрещаетъ имъ временныхъ отлучекъ изъ постояннаго мѣста жительства въ сельскія мѣстности, если таковыя отлучки вызываются дѣйствительной необходимостью, 2) что просители А. ходатайствовали о разрѣшеніи имъ временнаго, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, пребыванія на дачѣ при х. Пильнѣ, и 3) что Черниговское губернское правленіе не входило въ разсмотрѣніе ходатайства просителей А. по существу, отказъ же въ томъ ходатайствѣ послѣдовалъ по резолюціи вице-губернатора, ничѣмъ не мотивированной, — опредѣляетъ: распоряженіе Черниговскаго губернскаго правленія о неразрѣшеніи А. временнаго пребыванія на дачѣ при хут. Пильнѣ отмѣнить. (Указъ № 2602).

При этомъ № годовымъ подписчицамъ разсылается 18-й листъ рѣшен. гражданскаго кассационнаго департамента Правительств. Сената за 1898 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ **В. М. Гессенъ.**

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

Н. И. Лазаревскій.